

**Министерство образования и науки РФ
Российская академия наук
Институт востоковедения**

**Министерство образования Московской области
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Московский государственный областной университет**

А. М. Хазанов

**ИСТОРИЯ
ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА
(XVI–XIX вв.)**

Монография

Москва
2015

УДК 94(267)
ББК 63.3(93)
Х15

*Печатается по решению
Сектора региональной безопасности
и международных отношений ЦИОПСВ ИВ РАН*

Ответственный редактор:

Л. А. Печищева – кандидат исторических наук, доцент
Московского государственного лингвистического университета

Рецензенты:

У. З. Шарипов – доктор политических наук,
главный научный сотрудник
Института востоковедения РАН;

Л. А. Печищева – кандидат исторических наук, доцент
Московского государственного лингвистического университета

Хазанов Анатолий Михайлович

X15 История Индийского океана (XVI–XIX вв.) : монография /
А. М. Хазанов; отв. ред. Л. А. Печищева. – М. : ИИУ МГОУ, 2015. –
156 с.

ISBN 978-5-7017-2429-5

Автор этой книги Хазанов Анатолий Михайлович – известный востоковед и африканист, доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН, действительный член Географического общества Лиссабона, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Книга знакомит читателей с историей бассейна Индийского океана в XVI–XIX веках. Основываясь на широком круге источников, автор в живой и увлекательной форме описывает попытки колониальной экспансии Португалии, Голландии, Франции и Великобритании в бассейне Индийского океана. Отдельная глава посвящена «чуме» Индийского океана XVII–XVIII веков – столбовой гидре пиратства.

Монография адресована специалистам в области международных отношений, истории и геополитики.

УДК 94(267)
ББК 63.3(93)

© А. М. Хазанов, 2015

© Институт востоковедения РАН

© Оформление. ИИУ МГОУ, 2015

ISBN 978-5-7017-2429-5

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I.	Эволюция португальской колониальной стратегии	4
Глава II.	Голландцы в Индийском океане	27
Глава III.	Стоглавая гидра пиратства («Чума» Индийского океана XVII–XVIII вв.)	47
Глава IV.	Начало британского проникновения в Индийский океан	68
Глава V.	Ост-Индская компания: цели, задачи, структура управления	72
Глава VI.	Французы и англо-французские войны в Индийском океане	102
Глава VII.	Пакс Британика над Индийским океаном.....	126
Глава VIII.	Геополитические, экономические и идеологические особенности британского колониализма в XIX веке.....	133
Библиография	154

Глава I

ЭВОЛЮЦИЯ ПОРТУГАЛЬСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

По словам португальского историка Антониу Сержиу, колониальная экспансия Португалии прежде всего решала «проблему восточной торговли»¹.

Цели контактов португальцев с зоной Индийского океана были, главным образом, торговые, хотя король Мануэл (1495–1521), видимо, учитывал и огромное стратегическое значение этого региона. Как бы то ни было, в отличие от Марокко и мамлюкского султаната, Индия с самого начала рассматривалась португальцами как торговый партнер, а не как территория, предназначенная для подчинения. Однако мало-помалу цели португальцев стали меняться, и они стали строить крепости то в одном, то в другом пункте побережья и вводить в ряде мест прямое колониальное управление.

Геополитическая и религиозно-этническая ситуация в Индии была чрезвычайно сложной и мозаичной. Ислам доминировал более, чем на половине территории, а мусульмане были самыми непримиримыми и упорными врагами португальцев.

Лишь при Жуане III (1521–1557) Марокко и Ближний Восток отходят для португальцев на второй план, и Индия становится центральным объектом португальской политики, в то время как Мануэл I видел в ней, прежде всего, трамплин для

¹ *Sergio Antonio*. Breve interpretacao da historia de Portugal. – Lisboa, 1998. – P. 31.

прыжка на Ближний Восток, а в торговле перцем — источник богатств, необходимых для проведения завоеваний.

Для Мануэла, мечтавшего о завоевании Египта, было ясно, что даже если мамлюкский султанат, как он надеялся, попадет в христианские руки, торговля перцем вернется на старый короткий, надежный и экономичный путь, которым пользовались мусульмане — через Красное море. Для блокировки этого пути он и отправил в Индию экспедицию Педру Алвариша Кабрала.

В сущности, это была попытка возродить старую идею экономической блокады мусульманского мира, зафиксированную в энцикликах пап в конце XII в., когда они поняли, что одних только военных усилий крестоносцев недостаточно. Эту идею в средние века отстаивали многочисленные стратеги, но скоро стало ясно, что она представляла собой бумеранг, который, поражая Египет, Венецию и Геную, ударял по тому, кто его запускал.

Постепенно правящий класс Португалии осознал, что открытие Васко да Гамы и особенно освоение морского пути в Индию дали ей огромные экономические, политические и военно-стратегические преимущества по сравнению с другими европейскими торговыми путями, связавшими Европу и Азию. Отныне португальцы, а не арабы, венецианцы и генуэзцы стали главными поставщиками специй в Европу.

Как пишет М. Пирсон, «если когда-либо арабское господство в Индийском океане существовало, то оно закончилось к XVI веку»¹.

Португальцы завершили создание своей колониальной империи к концу первой четверти XVI века. Менее чем за 20 лет,

¹ *Pearson M. The Portuguese in India. — Cambridge, 1990. — P. 46.*

слобив упорное сопротивление индийцев и арабских купцов, они овладели всеми ключевыми позициями в Индийском океане и утвердили свое владычество на всем побережье.

Теперь арабская и венецианская торговля пришли в упадок, и отныне ни один корабль не мог появиться в Индийском океане без «картажа» (португальской лицензии на торговлю).

Назначенный в 1505 г. королем Мануэлом первым вице-королем Индии Франсишку де Алмейда был противником создания в Индийском океане широкой сети фортов и захвата территорий. Он считал, что с помощью сильного флота можно контролировать бассейн Индийского океана, и что главной целью португальцев должно стать налаживание торговых отношений с египетскими правителями. При этом он возражал против попыток установить прямое управление на Востоке¹.

Учитывая скудость людских ресурсов в Португалии, Алмейда считал, что наилучшую защиту португальским факториям обеспечит флот, многократно превосходящий по силе флот противника. «Чем больше крепостей Вы держите, тем более слабой будет Ваша власть. Позвольте всем нашим силам находиться в море, ибо, если мы не будем сильны на море, все немедленно восстанут против нас», – писал Алмейда королю Мануэлу².

Началом нового этапа колониальной политики Португалии стал 1510 г., когда новым вице-королем Индии стал Афонсу де Албукерки, который выдвинул новую стратегическую концепцию – создание цепи опорных баз и крепостей на побережье Атлантики и Индийского океана. «Если бы члены Вашего совета

¹ *Monteiro E. M. Antropologia e colonialismo. Os casos ingles, frances e portugueses. Trabalhos de antropologia e etnologia. vol. 32. – Porto, 1992. – P. 73.*

² Цит. по *Danvers F. C. The Portuguese in India. vol. I. – Delhi, 1894. – P. 28.*

знали дела Индии так, как я, то они бы поняли, что Ваше Величество не может управлять такой огромной страной, как Индия, даже используя все свое могущество и силу на море», — писал он королю¹.

Португальская империя была талассократией (то есть морской, а не территориальной империей.) Она представляла собой цепь факторий, защищенных фортами. Флот обеспечивал коммуникацию между центрами империи, раскинувшейся от Бразилии до островов Тихого океана.

Таким образом, «Государство Индии» в XVI в. представляло собой не регион, имеющий четкие географические границы, а сеть административных центров, созданных Португалией на берегах Индийского океана и смежных морей, находящихся под защитой португальской короны и связанных морскими маршрутами².

«Государство Индия» было лишь частью португальской колониальной империи. Другую ее часть, несомненно, большую территориально, составляли подчиненные индийские княжества, правители которых заключили с португальцами договоры, фактически ставившие их в полную зависимость. В этих договорах правители индийских княжеств признавали себя подданными португальской короны; обязывались ежегодно выплачивать дань; заключали с португальцами военные союзы; позволяли строить на своей территории португальскую

¹ Documentos sobre os portugueses em Mosambique e na Africa Central. 1497–1840. — Lisboa, 1962–69, vol.III, Doc. 71, p. 402.

² *Oliveira Francisco Roque de. Os Portugueses e a Asia Maritima. 1500–1640: contributo para uma leitura global da primeira expansao europeia no Oriente. 2a Parte: o Estado Portugues da India. — Lisboa, 2003.*

крепость, гарнизон которой содержался за счет княжества; обязывались продавать завоевателям специи по установленным ими ценам; изгоняли со своей территории всех арабских купцов и прекращали торговлю с ними.

Кроме того, к середине XVI века в пользу португальцев шли торговые пошлины, собираемые на территории вассального княжества.¹

ПОРТУГАЛЬСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ В ИНДИИ В XVI В.

К началу XV в. под власть правителей империи Виджаянагара попала почти вся южная Индия «от моря до моря». Как пишет известный индолог Л. Б. Алаев, «исключением был Малабарский берег, который оставался независимым от материковых империй практически на протяжении всей истории, до второй половины XVIII в. Каждый порт на побережье представлял собой мелкое государство, а все они вместе играли большую роль в торговых связях Индии с Ближним Востоком, Восточной Африкой, а с начала XVI в. — и с Европой».²

Слабые администрация и дипломатия Португалии в Индии были постепенно заменены крепостями.³ Мотивы, которые португальская корона представила местным правителям для их сооружения, были увязаны с безопасностью вассалов, товаров и с намерением ограничить могущество мусульман.⁴

¹ *Shastry B. S. Studies in Indo-Portuguese history.* — Prakashana, 1981. — P. 63.

² *Алаев Л. Б. Средневековая Индия.* — СПб., 2003. — С. 134.

³ *Castanheda F. L. Historia dos descobrimento.* — Lisboa, 1924 liv. II, cap. XV, p. 243.

⁴ *Ibid.*, liv. II, cap. XVII, p. 252.

Однако португальский двор не сразу решился на такую политику. Вначале он предпочитал придерживаться доктрины косвенного управления колониями и стремился избежать непосредственного вовлечения в управление подчиненными народами, ограничиваясь лишь сбором налогов и обеспечением обороны. В «Инструкции» («Реджименту»), полученной вице-королем Франсишку де Алмейдой, предписывалось проявлять внимание к отношениям с местными правителями, мусульманами и христианами, жившими на Малабарском берегу, в случае, если португальцы построят крепость. В то же время в этой «Инструкции» содержался недвусмысленный намек на необходимость уничтожить «мавров» и проявлять осторожность в отношении индийцев и христиан.¹ Кроме того, в «Инструкции» вице-королю Ф. Алмейде предписывалось приравнять гарнизоны крепостей в жаловании и привилегиях к экипажам военных судов.²

Однако эти рекомендации не помогли предотвратить конфликты португальцев и индийских правителей.

На первых порах дела в Индии складывались благоприятно для португальцев. В Кананоре Алмейду посетил посол индийского государства Нарсинга (Виджаянагара), которое препятствовало планам мусульманских завоевателей захватить юг Индии.

Еще в 1507 г. король Мануэл уведомил папский престол о своем намерении заключить союз с могущественной индийской империей Виджаянагара. Правитель этой империи Нара-

¹ Documentacao ultramarina portuguesa. — Lisboa, 1960, vol. 1, doc. 7, pp. 29–32.

² *Хазанов А. М.* Португалия и мусульманский мир. — М., 2003. — С. 91.

симха стал в конце XV в. бесспорным гегемоном Юга Индии. Слава Нарасимхи, видимо, так прогремела по Южной Индии, что его имя на столетия затмило название государства, которым он правил¹.

Империю стали называть Нарсинга, и под таким названием она появилась в европейских источниках XVI–XVII вв.

Посол Нарсинги предложил Алмейде заключить союз против мусульман. После своей 150-летней борьбы против ислама, Нарсинга видел в прибывших в Индию христианах естественных союзников. Адмирал быстро оценил важность миссии посла Нарсинги и решил принять его по-королевски. С этой целью он даже досрочно принял титул вице-короля Индии, хотя, согласно королевской инструкции, должен был сделать это лишь после завершения строительства трех крепостей (в Кананоре, Кочине и Коулане).

На борту адмиральского корабля в честь посла был устроен роскошный прием. Палуба была устлана дорогими коврами, мачты были увешаны бриллиантами и красивыми тканями из Фландрии. Все капитаны сошли на берег для торжественной встречи посла, а Алмейда приветствовал его на палубе корабля. Они подписали договор о дружбе и взаимной защите. По этому договору от имени императора Нарсинги португальцам было дано право строить крепости в его портах².

Союз Нарсинги с португальцами давал империи значительные торговые и политические выгоды. Португальцы снабжали лошаадьми Нарсингу (они были нужны для кавалерии), а не му-

¹ *Алаев Л. Б.* Средневековая Индия. – СПб., 2003. – С. 135.

² *Gois D. de.* Cronica de D. Manuel. Parte 1. – Coimbra, 1949. – Pp. 313–319.

сульманские султанаты¹. Однако в 1506–1507 гг. у португальцев возникли большие трудности. Произвол и насилие, чинимые португальскими колонизаторами в отношении мусульманских купцов и местного населения, не могли не вызвать конфликт. Когда Алмейда прибыл в Индию, Кананор был настроен дружелюбно к португальцам.

Еще в 1505 г. Алмейда получил разрешение построить в Кананоре крепость. Ее первым комендантом был Лоуренсу де Бритту.

На территории крепости находилась больница. Позже, в 1526 г., Лопу Важ де Сампайо полностью реконструировал крепость, расширил и укрепил систему оборонительных сооружений. В отличие от Каликута, где было много перца, в Кананоре португальские суда загружались имбирем и кардамоном. Португальцы наладили там производство канатов и корабельных снастей из волокна скорлупы кокосовых орехов, а также пороха².

Однако действия португальских капитанов и чиновников породили враждебность местного населения. Гонсалу Важ де Гоиш ограбил и потопил мусульманское судно, вышедшее из Кананора, хотя оно получило от португальских властей лицензию на торговлю. В ответ на это разгневанные мусульманские купцы уговорили раджу Кананора атаковать португальскую крепость. Осада продолжалась четыре месяца, и лишь прибытие флота Триштана да Кунья спасло осажденных от истребления. Защитникам крепости очень помог артиллерист из Антвер-

¹ *Алаев Л. Б.* Средневековая Индия. – СПб., 2003. – С. 135.

² *Dicionario de historia dos descobrimentos portugueses.* Vol. I. – Lisboa, 1994. – Pp. 184–185.

пена Р. Гельдрес, которого хорошо знал знаменитый хронист Д. Гоиш, живший с ним по соседству в Антверпене¹. Понимая, что не сможет добиться успеха в войне с португальцами, раджа Кананора решил заключить мирный договор с Португалией в присутствии Триштана да Кунья². Попытка изгнания португальцев из Кананора во второй декаде XVI в. совпала с периодом, когда они достигли апогея могущества, причем кульминацией их успехов стала Индия. На Малабарском побережье португальцы уже владели крепостями в Кочине и Кананоре, а также факторией в Коулане.

Это была эпоха наивысшего подъема португальской империи. Став владычицей Востока и Бразилии, Португалия в то же время возвысилась и в Европе. До европейцев доходили новости о великих экспедициях и завоеваниях Португалии, которые распространялись в «опускулаш» (газетах того времени)³. Второй вице-король Индии Афонсу де Албукерки решил перенести столицу «Государства Индии» из Кочина в Гоа, хотя это не соответствовало приказу короля Мануэла.

В королевском приказе предписывалось лишь произвести раздел зоны Индийского океана на две капитании: 1) от Софалы до Диу и 2) от Диу до мыса Коморин. Этот приказ никогда не был выполнен, поскольку возникли острые трения между фидалгуш и капитанами, имевшие серьезные последствия для Индии. Это обстоятельство усилило позиции так называемой «партии Кочина», заинтересованной в сохранении админист-

¹ Ibid., p. 356.

² *Castanheda F. L. de*. Op. cit., liv. II, cap. XLIII, p. 306; liv. II, cap. LII, pp. 323–325.

³ *Andrade Antonio Banha de*. *Mundos Novos do Mundo*. Vol. 1. – Lisboa, 1972, p. 414.

ративных служб в Кочине. Дело в том, что среди чиновников Кочина, за исключением комендантов крепости, не было знатных лиц дворянского происхождения. Но их сыновья и племянники женились на представительницах мелкого дворянства. Эти новые родственники сумели позже занять те же должности, что и их предки.¹ Возник круг наследников, чьи семейные интересы были связаны с Кочином. Раджа Кочина также был недоволен переводом административных служб в Гоа, поскольку это могло привести к экономическому упадку Кочина.

Правда, это вовсе не означает, что началось охлаждение в отношениях между раджей Кочина и португальской короной. Напротив, монархи Кочина вынуждены были укреплять узы дружбы с Португалией, чтобы противостоять враждебным акциям Каликута. Поэтому 20 ноября 1513 г. правитель Кочина написал дону Мануэлу I письмо, подтвердив еще раз дружбу и даже назвав Португалию и свою страну «единым государством»².

Раджа Кочина постоянно посылал письма в Лиссабон, некоторые с интервалом в три дня³. Они отправлялись на португальских кораблях, и суть их была одна и та же: необходима срочная помощь. При этом раджа Кочина напоминал о своей клятве верности и об обещании короля Португалии сделать его «самым большим сеньором» Индии⁴.

Это было постоянной заботой раджей Кочина вплоть до смерти Мануэла Счастливого в 1521 г. Конечно, демонстрации

¹ *Alao de Marais*. Pedatura Lusitana. T. IV/Vol. II. — Porto, 1944, pp. 466 e seg.

² *Cartas de Afonso de Albuquerque*. T. III. — Lisboa, 1903, p. 73.

³ *Ibid.*, pp. 73–80.

⁴ *Carta do rei de Cochim para D. Manuel I*, datada de 11 de Dezembro de 1513. T. III. — *Ibid.*, pp. 81–84.

симпатий к Португалии со стороны раджей Кочина не были бескорыстными. Они были связаны с тем, что Каликут искал мира с Португалией. Дядя раджи Кочина был убит саморином Каликута, который угрожал лишить Кочин независимости. В это время Индия управлялась Афонсу Албукерки. Он установил постоянные и различные по своему характеру отношения с правителями Малабара и стал проводить новую политику в этих землях. Были заключены различные договоры о мире и осуществлены новые завоевания за пределами Малабара, а в построенные крепости назначены коменданты, пользовавшиеся доверием Албукерки. Король Мануэл приказал Албукерки заключить договоры о мире со всеми правителями Малабарского побережья, включая Каликут, хотя он продолжал оказывать покровительство Кочину¹. Причина, по которой король рекомендовал вести переговоры с Каликутом, состояла в том, что он хотел покончить с существовавшими конфликтами. Кроме того, португальцы стремились построить крепость в Каликуте. Это был главный пункт переговоров, а другие пункты касались военных вопросов и торговли специями с таким прицелом, чтобы лишить мусульман выгод от торговли.

Преодолев политические и внутрисемейные препятствия, саморин Каликута заключил мир с Португалией и согласился на строительство крепости на своей территории. Для этого он отправил посла ко двору Мануэла I, прося его одобрить некоторые щекотливые статьи договора, касающиеся торговли с мусульманами Каира². В Архиве Торре ду Томбу в Лиссабоне сохранились документы, в которых отразились религиозные

¹ *Castanheda F. L.* Op. cit., liv. III, cap. CXX, p. 786.

² *Ibid.*, liv. III, cap. CXXII, pp. 789–792.

споры из-за торговых преференций тем, кто обратился в христианство¹.

Стремясь установить хорошие отношения со всеми индийскими монархами, Мануэл I в то время сомневался в том, что перевод столицы в Гоа будет этому способствовать. Он уделял особое внимание Малабарскому побережью и даже после смерти Албукерки заботился о сохранении мира с местными правителями.

Эта дипломатичная политика позволила Лопу Суаришу возобновить мир с правительницей Коулана, прерванный из-за убийства фейтора Антониу де Са в вооруженных столкновениях за несколько лет до этого. Конфликтная ситуация была частично урегулирована, когда португальцы построили в Коулане крепость². Коулан был одним из главных портов экспорта перца и других специй. Португальцы, побывавшие в Коулане, а еще до них Марко Поло (1298 г.), Николо ди Конти (1430 г.) и другие путешественники привезли в Европу сведения не только о специях и богатствах Коулана, но также и о жившей там многочисленной общине христиан. Как Дамьян де Гоиш,³ так и фламандец, сопровождавший Васко да Гаму,⁴ в своих рассказах упоминают тысячи христиан и многочисленные церкви в Коулане, которые, согласно традиции, возникли там в результате деятельности св. Фомы по обращению аборигенов в христианство, но в действительности они появились

¹ Arquivo Nacional Torre do Tombo. Chancelaria de D. Manuel I, liv. II, fls. 83, v. 84 // Capítulos de pazes entre Portugal e Calicut. 26.02. 1515.

² *Castanheda F. L.* Op. cit., liv. IV, cap. I, pp. 873–874; liv. V, cap. XLIII, pp. 79–80.

³ *Damiao de Gois.* Cronica de D. Manuel. – Coimbra, 1949, cap. 79.

⁴ *Oliveira Martins.* Portugal nos mares. – Obras completas, Lisboa, 1958.

в результате прибытия в VII в. в Индию раскольников-несторриан¹.

После того, как в 1505 г. по поручению Ф. де Алмейды Хейтор Родригес построил в Коулане крепость, там вспыхнуло анти-португальское восстание. В ответ вице-король приказал своим кораблям подвергнуть город артиллерийскому обстрелу.

Крепость Коулана была заново отстроена в период правления Лопу Соариша де Албергариа. Дуарте Барбоза и Томе Пириш оставили подробное описание активной торговой деятельности в Коулане, главное место в которой занимала торговля перцем. Торговля этим товаром была объявлена в Коулане свободной в 1570 г. В 1620-х гг. экспорт Коулана превышал экспорт любого другого индийского порта.

В то время в крепости Коулана жили 60 португальских семей, которые сумели отразить атаку датчан в 1631 г. Конец португальского господства в Коулане наступил 10 декабря 1661 г., когда могущественный голландский флот из 23 судов и 4000 солдат штурмом взял крепость². Вице-короли, чувствовавшие себя почти независимыми от Лиссабона, часто посещали крепости Малабара, но считали ниже своего достоинства вступать в контакт с местными правителями. Это обстоятельство часто лишало Португалию уже приобретенных выгод и порождало новые конфликты, особенно с Каликутом³. Любопытно, что это не мешало некоторым португальцам служить при дворе

¹ Dicionario de historia, vol. 1, p. 310. Несторианство – течение в христианстве, основанное в Византии Нестором в 428–431 г. Осуждено как ересь на Эфесском соборе 431 г. Пользовалось значительным влиянием вплоть до XII в. во многих странах Востока.

² Dicionario de historia, vol. I, p. 310.

³ *Castanheda F. L.* Op. cit., liv. IX, cap. III, pp. 874–875.

саморина в качестве его влиятельных придворных и одновременно предоставлять вице-королю за высокую плату важную информацию. Деньги за шпионаж в пользу Португалии получал и шурин саморина¹. Однако, даже имея шпионов при дворе саморина, португальцы испытывали трудности в преодолении противодействия Каликута их постоянному присутствию на Малабарском побережье. Постоянно возникали трения, нередко перераставшие в военные столкновения, за которыми следовали антипортугальские выступления мусульман по всему побережью.

В длинном письме дону Мануэлу Албукерки описал свое истинное отношение к индийским суверенам и методы, которые он использовал, общаясь с ними. Он пишет, что приказал отравить саморина Каликута после того, как, не будучи в состоянии победить последнего в войне, обещал уважать индуистскую религию. В частности, он сообщает королю: «Я уверен, что Намбиадири убил саморина ядом, ибо во всех моих письмах я просил его сделать это, чтобы в мирном договоре можно было прийти к соглашению, а в этом случае Вы пожелали, чтобы уважались индуистская религия и церемонии короля Кочина»².

В течение 5 лет правления Албукерки в Индии постоянно сносились мечети и индуистские храмы. Флорентийский путешественник Андре Корсали в письме из Гоа 6 января 1515 г. заклеил как вандализм разрушение индуистского храма в Диваре, красивейшего сооружения, руины которого сохранились до наших дней³. Что касается отношения Албукерки к мусуль-

¹ Ibid., liv. VI, cap. LXX, pp. 262–263.

² Cunha T.V. Goa's Freedom Struggle. — Bombay, 1961, P. 61.

³ Ibid., p. 63.

манам, то о нем дает исчерпывающее представление письмо королю от 22 декабря 1510 г., в котором он похваляется своими подвигами: «В захвате Гоа, уничтожении его хозяйств и входе в форт нам явно помогал Господь Бог, ибо Ему было угодно, чтобы мы осуществили это великое дело, и притом лучше, чем мы могли Его просить, ибо там были убиты более 300 турок и... на всем пути валялось много трупов тех, кто, будучи ранеными, пытались бежать, много лошадей утонуло при переправе через реку. Затем я сжег этот город и предал всех мечу, в течение нескольких дней Ваши люди непрерывно выпускали из них кровь, где бы они ни находились, ни одному мусульманину не сохранили жизнь, а их мечети были заполнены ими и преданы огню. Я приказал не убивать только земледельцев и брахманов. Мы насчитали 6000 убитых мусульман, мужчин и женщин... Это было, мой сеньор, великое дело, хорошо выполненное и хорошо завершенное. Но хотя Гоа огромный и важный город, мы все же еще не отомстили мусульманам за предательство и зло, причиненное Вашему Величеству. Однако об этом услышат все вокруг, и страх и изумление заставят большие города подчиниться Вам без завоевания, они не причинят зла, зная, какую огромную цену за это пришлось бы заплатить»¹.

В 1511 г., воспользовавшись отсутствием Албукерки, который был занят завоеванием Малакки, 60-тысячное войско индийцев во главе с Адил-Ханом осадило Гоа и захватило Бенастарин. Прибыв в гавань Гоа с 14 кораблями, Албукерки приказал им атаковать Бенастарин. Чтобы продемонстрировать свою силу, 3000 индийцев вышли из Бенастарина. Тогда Албукерки приказал 4000 своим солдатам и 25 кавалеристам сойти на берег

¹ Ibid., p. 61.

и ворваться в крепость. Вскоре она была взята. Албукерки торжественно въехал в Гоа¹. Его рапорт о взятии Бенастарина и Гоа, помеченный датой 23 ноября 1512 г., заканчивается такими словами: «Индия усмирена, напугана и подчинена Вашему Величеству»².

В 1519 г., португальские крепости в Коулане и Коломбо подверглись осаде индийцев, на помощь которым пришли войска из Гоа и Кочина. Однако португальцам удалось удержать крепости в своих руках. Чтобы положить конец этим конфликтам, португальский король Жуан III отправил в 1524 г. в качестве вице-короля Индии Васко да Гама, полагая, что его славы и авторитета достаточно для обеспечения португальского владычества в этих землях. Но 25 декабря 1524 г. Васко да Гама умер. Процесс португальской колониальной экспансии в Индии был практически завершен.

В 30-х гг. XVI в. португальцы продолжили строительство крепостей в стратегически важных пунктах Малабарского побережья (в Чауле в 1531 г., в Кранганоре в 1536 г.). Несколько ранее мусульманские купцы посоветовали саморину Каликута отвоевать крепость у португальцев, для того чтобы продемонстрировать свое могущество другим правителям Малабара.³ В конце концов, в 1525 г. португальцы действительно были выбиты из крепости Каликута. Она была первой крепостью, которую сумели отвоевать у них индийцы⁴. Угроза гражданской войны, порожденная спором из-за губернаторства между

¹ Подробнее см.: *Хазанов А. М.* Португалия и мусульманский мир (XV–XVI вв.). – М., 2003. – С. 124.

² *Cartas de Afonso de Albuquerque*. Vol. 1. – Lisboa, 1884. – Pp. 101–116.

³ *Castanheda F. L.* Op. cit., liv. VI, cap. CVI, pp. 318–319.

⁴ *Zinadim*. *Historia dos portugueses no Malabar*. – Lisboa, 1898. – Pp. 54–55.

Лопу Важ де Сампайо и Перу де Маскареньяшем, несколько отсрочила попытку португальцев отвоевать крепость Каликута. Только после того как Лопу Важ де Сампайо отстоял свое право на губернаторство, он снова овладел крепостью Каликута¹. Когда в 1529 г. губернатором был назначен Нуну да Кунья, многие индийские монархи восстали и отказались ему подчиняться. Однако после прибытия в Индию значительных португальских подкреплений некоторые из этих правителей поспешили подписать мирные договоры с Нуну да Кунья. Он нанес поражение саморину, который вынужден был просить о мире. Хотя условия мира были тяжелыми, саморину ничего не оставалось делать, как их принять. Договор предусматривал не только значительные торговые выгоды для португальцев, но и строительство стратегически важной крепости в Чауле, раджа которого был вассалом саморина².

Мир между португальцами и Каликутом сохранялся 30 лет, мирный договор был нарушен лишь при следующем вице-короле Индии Гарсии де Норонья. Фундаментальное различие между этим договором и теми, которые заключались во времена Албукерки, состояло в том, что теперь с Португалией сближались раджи – вассалы Каликута, а в случае потери судов «Каррейра да Индия» саморин обязался возмещать стоимость специй, погруженных в его порту³.

Новые дипломатические отношения с Каликутом не помешали, однако, конфликтам португальцев с мусульманами

¹ Ibid., p. 55.

² Ibid., pp. 58–59.

³ Archivo Nacional Torre do Tombo. Chancelaria de D. Manuel I, liv. 11, fls. 83–84 // Capítulos de pazes entre Portugal e Calicut. 26.02.1515

вдоль всего Малабарского побережья. Мусульмане часто нападали на португальские крепости, возведенные в различных пунктах, например, в Кананоре. Как правило, гарнизоны крепостей были недостаточными для отражения таких атак, и крепости удавалось удерживать лишь с помощью военных судов, патрулировавших Малабарское побережье. Капитаны этих судов, как и коменданты крепостей, участвовали во всякого рода сделках с богатыми мусульманскими купцами и извлекали выгоды и из войны, и из торговли. Даже вице-король и выдающийся интеллектуал Жуан де Каштру,¹ славившийся своей честностью, участвовал в таких сделках, поскольку нуждался в значительных средствах для содержания крепостей.

Многие португальцы, нуждавшиеся в деньгах для закупки специй, просили их у индийских правителей. Так, Антониу Коррейя просил 6000 парданов золота у раджи Кранганора, несмотря на возражения португальского казначея в Индии. Последний подчинился инспектору финансов (ведор да фазенда), который тоже был против подобных просьб, поскольку считал, что индийские правители враждебно настроены в отношении португальцев². Кроме денег португальцы требовали у индийских раджей военные суда. Так, комендант Кочина Энрике де Соуза просил у местного монарха и монарха Кранганора корабли для военных действий, которые он начал в Камбейе³.

Любопытно, что раджа Кранганора в письмах Жуану де Каштру выражает согласие удовлетворить эту просьбу, но

¹ Подробнее о нем см.: *Хазанов А. М.* Португалия и мусульманский мир. — М., 2003. — С. 144.

² Documentacao de Sao Lourenco. Vol. II. Doc. 59, — Lisboa, 1973, D. 100.

³ Ibid., doc. 157, pp. 279–280.

в то же время высказывает несогласие с политикой «картажей»¹. В этих письмах он требует, чтобы португальцы уладили свои конфликты с другими правителями Малабара. Он ощущал угрозу со стороны Кочина и просил португальского коменданта крепости в Кранганоре принять необходимые меры, чтобы защитить его в случае необходимости.

Во время правления Жуана де Каштру ситуация на Малабарском берегу была очень напряженной. Мелкие вассальные княжества вышли из повиновения своим сюзеренам, португальцы, занятые войнами с Камбеей, не интересовались делами Малабара. Именно это обстоятельство побудило раджей. Порка, Репелина и Батименте не признавать португальцев своими сеньорами и нападать на их корабли².

Главными виновниками этих конфликтов португальцы всегда считали мусульман («мавров»). Поэтому, предоставляя индийским раджам оружие, необходимое им для взаимных разборок, португальцы всегда ставили условие, что оно будет использовано и против мусульман. Так, в 1548 г. на этих условиях оружие было предоставлено Кранганору³.

Такие договоры были чрезвычайно выгодны португальцам, так как делали индийских правителей зависимыми от них в военной сфере⁴.

Упорное сопротивление португальской колониальной экспансии оказал султан Камбеи Бахадур-шах (1529–1537). В начале 1531 г. флот во главе с вице-королем Нуну да Кунья вторгся

¹ Ibid., doc. 162, pp. 291–292.

² Ibid., doc. 186, pp. 345–347.

³ Ibid., vol. III, doc. 32, pp. 488 e seg.

⁴ Ibid., vol. IV, doc. 84, pp. 490–498.

в Камбею, овладел Даманом и подошел к Диу. Вице-король обещал награды трем солдатам, которые первыми взберутся на стены Диу, когда начнется его штурм. 7 февраля 1531 г. Нуну да Кунья направил к берегу лодку с белым флагом для переговоров. В лодке вернулся знатный индиец, которому вице-король сообщил, что намерен взять Диу штурмом, если султан Камбеи не подпишет с ним договор о мире. Не получив ответа, португальцы на следующий день высадились на берег и подготовились к штурму. Диу, расположенный на скалистом острове, защищали 10000 человек и значительное число больших пушек, а вход в пролив между островом и материком был перегорожен массивными цепями, натянутыми между судами, заполненными лучниками и мушкетерами¹.

16 февраля 1531 г., был дан сигнал к штурму, и весь португальский флот начал атаку на город, бомбардируя его с утра до вечера. Однако мощным стенам крепости не было причинено сколько-нибудь заметного ущерба. На собранном вице-королем совете офицеров было решено прекратить осаду Диу. Нуну да Кунья вернулся в Гоа 1 марта 1531 г.²

Однако через три года Бахадур-шах обратился к Нуну да Кунья с просьбой о помощи в войне против могольского императора Хумаюна, который уже захватил часть его территории. В сентябре 1534 г. был подписан договор, по которому король Португалии и султан Камбеи вступили в военный союз, для чего должен был быть построен форт в Диу³.

¹ *Diogo de Couto. Da Asia.* – Theal M. Records... Cape Town. 1964, vol. VI, pp. 206–209, 402.

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

Нуну да Кунья энергично приступил к строительству форта, которое было закончено в 1536 г. Форт был поставлен под командование Мануэла де Соуза с гарнизоном в 900 солдат и 60 больших пушек¹.

После завершения строительства крепости в Диу португальцы почувствовали себя гораздо увереннее и начали вести себя в Индии нагло и бесцеремонно. Они вмешались в войну между раджами Каликута и Кочина в 1536 г. на стороне Кочина.² В Диу была построена церковь св. Фомы, которая в 1544 г. была превращена в собор Кастелу³. Такие действия португальских колонизаторов вызвали крайнее недовольство и возмущение Бахадур-шаха, который чувствовал, что его суверенитет ущемляется и попирается захватчиками. Сожалея об уступках, предоставленных португальцам, он решил избавиться от чужеземного ига и призвал правителей Малабара изгнать португальцев из Индии. Одновременно с просьбой о помощи он обратился к турецкому султану Сулейману I Великолепному, и тот немедленно ответил согласием. В марте 1537 г. португальцы заманили Бахадур-шаха в западную Дели, где он был убит⁴.

В середине XVI в. вокруг португальских крепостей жили группы женатых португальцев, однако они не были достаточно защищены в военном отношении. Поэтому вице-король Константину де Браганса послал из Гоа флот и солдат, чтобы укрепить Малабарское побережье⁵.

¹ Ibid.

² *Morais C. A. de. Cronologia geral da India portuguesa.* — Macau, 1993, p. 61.

³ Ibid.

⁴ Подробнее см.: *Хазанов А. М. Португалия и мусульманский мир (XV–XVI вв.).* — М., 2003. — С. 196.

⁵ *Diogo de Couto. Op. cit., dec. VII, parte 2, liv. VIII, cap. III, p. 185.*

Этот вице-король пытался решить проблемы Малабара, назначая требовательных и строгих комендантов крепостей. Это привело к серьезным конфликтам с местными правителями, которые прежде имели хорошие отношения с португальцами. Так, новый комендант крепости Кананора вскоре вступил в конфликт с раджой, в результате чего вспыхнули мусульманские волнения¹. С этого времени начались так называемые «малабарские войны», продолжавшиеся почти до конца правления Константину. В ходе этих войн был убит инспектор финансов, прибывший в Кочин для погрузки корабля. Восстание охватило огромную территорию от Дели до мыса Коморин. Португальцам удалось подавить это широкомасштабное восстание мусульман только после того, как они подтянули к Малабарскому побережью свои военные суда из Китая, Молукк, Малакки, Бенгелы и других мест².

Малабарские монархи, за исключением саморина Каликута, в ходе восстания сохраняли нейтралитет и ограничились тем, что наблюдали за военными действиями между португальцами и «маврами». Ситуация мало изменилась и после того, как в 1561 г. Константину де Браганса уступил пост вице-короля графу Франсиску Коутиню. Самое крупное восстание мусульман имело место в 1571 г., когда они овладели крепостью в Чауле³.

В 1567 г. португальские колониальные власти запретили «маврам» и «неверным» плавать на португальских военных судах. Было запрещено также продавать им корабли и оружие,

¹ Ibid., dec. VII, parte 2, liv. VI, cap. II, pp. 8–11.

² Ibid., liv. VII, cap. III, pp. 70–71.

³ Ibid., cap. I, pp. 4–6.

которое могло быть использовано против христиан. Предписывалось также установить строжайший контроль над селитрой, ввозимой в крепости для изготовления пороха, поскольку она могла попасть в руки «неверных»¹.

К середине XVI в. португальцы убедились в том, что их крепости не в состоянии решить существующие проблемы.

В начале 60-х гг. XVI в. появилась идея разделить огромные португальские владения в Индии на три административных района, чтобы легче было ими управлять². Но вскоре пришлось отказаться от этой идеи, так как между администраторами постоянно возникали трения. Минивойны, ставшие в Индии обычным делом, вынуждали комендантов крепостей заключать договоры с индийскими раджами, поскольку вице-короли уже были не в состоянии осуществлять контроль над всей территорией.

¹ Documentacao..., vol. X, doc. 44, Decretos 32, 35, pp. 360, 381–382.

² *Diogo de Couto*. Dec. 9, liv. 2, cap. 1, pp. 1 e seg.

Португальское могущество¹ в Индийском океане было подорвано не сопротивлением прибрежных государств, а прибытием туда флотов других европейских держав. Португалия оказалась не способной сохранить свой монопольный контроль над индоокеанской торговлей в конкурентной борьбе с другими более могущественными европейскими государствами. Однако упадок могущества Португалии был связан не с этим, а с историческими событиями на европейском театре.

В 1578 г. армия португальского короля дона Себастьяна встретилась на поле боя на берегу реки Луккос (Марокко) с армией марокканского короля Абд Аль-Малика. В этой битве Португалия потеряла все – своего короля, цвет дворянства, армию, государственную и политическую независимость.

После смерти дона Себастьяна прекратилась Ависская династия. Этим воспользовалась Испания. В 1580 г. король Испании Филипп II занял португальский королевский трон, и Португалия вместе со всей своей колониальной империей на долгие 60 лет попала под власть испанских королей (1580–1640 гг.). Португалия оказалась вовлеченной в войны, которые Испания вела против Англии и своих собственных мятежных провинций в Нидерландах. До тех пор голландцы действовали как

¹ Подробнее см. *Хазанов А. М.* Португалия и Мусульманский мир (XV–XVI вв.). – М, 2003. – С. 259–272, 290.

посредники в распределении португальских товаров, транспортируемых с Востока¹.

Сами португальцы не имели достаточного количества судов, чтобы обеспечить перепродажу в Европе специй, которые они получали в Азии, и поэтому вынуждены были отдавать их в руки посредников, среди которых главную роль играли голландцы.

Именно в нидерландском городе Антверпен португальские купцы брали в кредит деньги, необходимые для покупки перца и специй на Востоке.

Как правило, корабли с грузами перца, золота, слоновой кости лишь ненадолго заходили в Лиссабон и направлялись отсюда вдоль берегов Европы в Антверпен, который стал в XVI в. подлинным центром международной торговли, где сосредоточивались сложные торговые операции первых европейских капиталистов. В Антверпене в XV–XVI вв. находилась процветающая португальская фактория, где жили блиставшие роскошью и богатством португальские негодянты². Согласно Ф. Броделю, Антверпен стал самым колониальным городом XVI в. после Лиссабона, с которым он был связан тесными торговыми отношениями³. Но после 1565 г. крайне нестабильная ситуация в южных Нидерландах привела к упадку Антверпена в пользу голландских портов, в частности Амстердама, и когда войска Филиппа II оккупировали Антверпен в 1585 г., финансы и бизнес Нидерландов переместились в Амстердам⁴.

¹ *Vali Ferenc. A Politics of the indian Ocean Region.* – L., 1976. – P. 9–10.

² *Хазанов А. М. Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость (XVI–XVIII вв.).* – М., 1976. – С. 249.

³ Цит. по *Toussant A. History of the Indian ocean.* – L., 1966. – P.118.

⁴ *Ibidem.*

Поскольку Филипп II еще не вовлек Испанию и Португалию в войну против Нидерланд, и не запретил голландским «еретикам» заход в иберийские порты, нидерландские купцы часто посещали эти порты, но уже отлично понимали, что рано или поздно войдут в конфликт с португальцами в Индийском океане, поскольку развитие их торговли неизбежно должно было привести их к морскому пути в Индию.

Они искали этот путь сначала через Средиземное море и Левант, и на севере Европы – через льды Шпицбергена и Новую Землю, но как только они сумели получить информацию о португальских путешествиях в Индийском океане, они, не колеблясь, направились к Мысу Доброй Надежды¹.

Одна фигура выделяется и представляется очень крупной в начале голландской колониальной экспансии на Востоке – это «голландский Ковильян» Ян Хуйгей ван Линшотен, человек, снабдивший голландцев сведениями об условиях навигации и торговли в Индийском океане. Еще совсем юным он был послан в Лиссабон, где сумел наняться матросом на португальское судно, отплывшее в Индию. Линшотен был много лет секретарем португальского архиепископа в Гоа, собрал важные сведения о пути вокруг Мыса Доброй Надежды и о навигации в Индийском океане. По возвращении в Голландию он опубликовал в 1595 и 1596 гг. два путеводителя по навигации, которые открыли мир океана его соотечественникам, и содействовали распространению географических знаний, которые португальцы всегда старались сохранить в тайне. Путеводитель Линшотена вскоре стал Библией голландских навигаторов на Востоке².

¹ Ibid., p. 119.

² Ibid., p.119; *Vali Ferenc*. Op. at., p. 10.

Первый голландский флот из четырех кораблей под командованием Корнелиуса де Хоутмана, который раньше служил у португальцев, отправился в «Индию» в 1595 г.

Его конечной целью была не сама Индия, а Индонезия, центр торговли специями. Финансировалась эта экспедиция амстердамскими купцами, создавшими так называемую Компанию далеких земель.

Следуя совету Линшотена, Хоутман, достигнув Мыса Доброй Надежды, поплыл прямо к Яве, обойдя берега Индии и Малаккский пролив, контролируемые португальцами¹. Позже голландцы предпочитали даже один из двух более прямых путей к Индонезийским островам – средний путь мимо острова Маврикий (назван по имени Морица Нассау) или восточный путь вдоль западного берега Австралии, так как оба эти пути реже посещались португальцами. Хоутман вступил в контакт с аборигенами в Бантам, на острове Ява. Этот остров был выбран по той причине, что португальцы редко заходили туда. Представившись как «честные купцы», готовые помочь яванцам в борьбе против португальцев Малакки, голландцы были хорошо ими приняты. Хоутман привез обратно груз, прибыли от продажи которого стимулировали другие торговые экспедиции. Центром активности голландцев стал остров Ява, где они основали Батавию, ставшую позже столицей их Вест-Индской империи.

С 1594 по 1601 гг. не менее 15 экспедиций в Индонезию, в которых участвовало 65 судов, были организованы торговыми компаниями Голландии. То обстоятельство, что примерно шестая часть гибла вследствие кораблекрушений и схваток

¹ *Vali Ferenc. Op. cit., p. 10.*

с португальцами и аборигенами, не могло умерить алчность торговцев, которые, по словам голландского автора, вели яростную конкурентную борьбу, «вытаскивая один у другого деньги из кошелька и срезая друг у друга подметки»¹.

В результате резко возросшего спроса на специи местные индонезийские правители к 1600 г. подняли цены на них вдвое. Но еще более прискорбным результатом для белых торговцев был тот факт, что беспорядочное поступление специй на европейский рынок привело к резкому падению цен.

В конце XVI – начале XVII вв. голландцы, находившиеся в то время в состоянии войны с Испанией, атаковали португальские колонии в Бразилии, Африке и на Востоке. Воспользовавшись тем, что португальский флот жестоко пострадал в результате участия в «Непобедимой Армаде» Филиппа II Испанского (1588 г.), голландцы пытались вытеснить португальцев из их владений в Азии, Африке и Америке².

К 1640 г. голландцы овладели обширной территорией на северо-востоке Бразилии. Для обеспечения рабочей силой голландских плантаций в Бразилии нужны были рабы. Влиятельные круги требовали от принца Морица Нассау организации экспедиции в Западную Африку. В мае 1641 г. голландская флотилия из 21 судна с 3000 солдат отплыла из Ресифи (Бразилия) в Анголу. В августе 1641 г. голландцы захватили Луанду³. Значительно раньше в 1602 г. голландцы послали свои корабли на Цейлон и позже выбили португальцев из Коломбо.

¹ Бандиленко Г. Г., Гневушева Е. И., Деоник Д. В., Цыганов В. А. История Индонезии. – Часть I. – М., 1992. – С. 170.

² Chilcote R. H. Portuguese Africa. – Prentice Hall, 1967. – P. 10.

³ Menezes L. de. Historia de Portugal restaurado. – Lisboa, 1967. – P. 298.

В 1641 г. голландцы атаковали и взяли штурмом крепость Малакка на Малайском полуострове, захваченную португальцами во главе с А. Албукерки еще в 1511 г. Голландцы разрушили эту португальскую крепость, известную как «Формоза», а в 1670 г. восстановили ее, переименовав в Фок, водрузив над воротами крест, который можно видеть и сегодня. Они принесли сюда протестантизм и начали преследовать католиков, превратив католические церкви в протестантские. Они переименовали церковь св. Франциска в церковь Св. Павла (1753 г.). До сих пор в Малакке существует Голландская площадь (основана в XVII в.), а на ней протестантская церковь Св. Павла голландских времен¹. Жестокая конкуренция и порожденная ею нестабильность цен на специи, необходимость объединить все усилия голландских компаний на борьбу против конкурентов побудили Генеральные штаты (парламент) Нидерландов принять решение о создании объединенной торговой компании. 20 марта 1602 г. парламент утвердил устав голландской Ост-Индской компании (Гок). Она получила на 21 год абсолютную монополию на торговлю со странами Востока.

Ей передавались все привилегии, полученные голландцами до создания Гок, все имущество, фактории и крепости в Ост-Индии. По существу, Гок становилась «государством в государстве» со своими вооруженными силами, получала права строить крепости, объявлять войну и заключать мир, чеканить монеты, судить и наказывать (вплоть до применения смертной казни) своих служащих любой расовой принадлежности. Позже эти монопольные привилегии неоднократно продлевались. В правление Гок вошло 73 директора прежних компаний. Во главе

¹ Хазанов А. М. Восток глазами востоковеда. — М., 1995. — С. 111–112.

правления стояла коллегия — совет семнадцати. В правление вошли несколько членов правительства. Это положило начало сращиванию государственных органов Нидерландов с аппаратом управления Гок. Объединение торговых компаний Нидерландов и наделение Гок правами, по существу, суверенного государства, явились качественным скачком, который привел к бурному развитию колониальной экспансии Голландии на Востоке¹. В 1602 г. была основана голландская Ост-Индская компания (Гок), а уже в 1619 г. Ян Питерзоон Коен, один из первых губернаторов, назначенных этой компанией руководить ее операциями в Индийском океане, перенес ее штаб-квартиру из Бантама в Батавию и там заложил основу для европейского города. Чарлиат называет Коена «Албукерки со склонностью к протестантской строгости». Но это словосочетание, кажется, больше подходит другому голландскому губернатору Антони ван Димену, поскольку именно в его правление (1634—1645) Батавия действительно стала важной крепостью, а голландцы окончательно выбили португальцев из Юго-Восточной Азии, захватив Малакку².

В начале XVII в. голландцы прибыли на Коромандельское побережье Индии в поисках сказочного индийского хлопка. На восточном берегу Индии они познакомились с прибыльной торговлей через Бенгальский залив с Бирмой и Сиамом (Таиландом).

Торговля Гок с Бирмой формально началась 14 мая 1634 г., когда из Масулипатاما отплыл голландский корабль «Влиеландт».

¹ *Бандиленко Г. Г., Гневушева Е. И., Деоник Д. В., Цыганов В. А.* История Индонезии. Часть I. — М., 1992. — С. 172.

² *Toussant A.* Op. cit., p. 120.

Голландцы учредили в Бирме три торговые Фактории, в том числе в древней столице Бирмы Пегу. Документы, хранящиеся в национальном архиве в Гааге, дают возможность составить представление о тех подарках, которыми обменивались голландцы и короли Бирмы. Списки бирманских подарков включают в себя украшения из рубина, бетель, олово, красную смолу, чили, слоновую кость, тиковое дерево, слонов.

Голландские подарки иногда были более экзотическими. Так, королю Тхалуну были однажды подарены лев и медведь. Типичные голландские подарки состояли из дорогих и роскошных текстильных изделий. Когда сравниваешь списки голландских подарков, становится, очевидно, что они предназначались для различных миров. Роскошные и дорогие текстильные изделия поступали во дворцы королей, а дешевые ткани низкого качества поступали в бедные лавчонки и на грязные рынки¹. Бирма предлагала большой ассортимент экспортных товаров.

Голландцы обычно брали все, что могли достать. Как правило, это были олово, красная смола, чили, слоновая кость и др. В 1650-х гг. главными товарами бирманского экспорта стали китайские медные монеты и бирманская «ганза» (металл, похожий на благородные металлы). Гок превращала большое число китайских медных монет, приходивших в Бирму из Юннаня, в монеты, используемые как легальная валюта в Батавии и Цейлоне. В последние годы голландцы экспортировали значительное количество золота, которое происходило из Китая. Гок через свою разветвленную межазиатскую торговую сеть была

¹ *Dijk O. Wil. The Dutch East India Company in Burma. 1634–1680. – Ilias newsletter, July 2004. – P. 13.*

в состоянии продавать бирманские товары на большинстве прибыльных рынков в Азии¹.

Межазиатская торговля Гок достигла пика к 1670-м гг., а после этого ее сменила прямая торговля между Азией и Европой. Это было, вероятно, главной причиной решения Голландии покинуть Бирму. Хотя Бирма оставалась в течение почти полувека интегральной частью межазиатской торговли Гок, она вынуждена была отказаться от некогда прибыльного бирманского рынка².

Гок была чисто коммерческим предприятием: ее не интересовали ни проблемы обращения туземцев в христианство, ни проблемы создания колониальной империи.

Имелось, однако, одно существенное различие между голландским предпринимательством на Западе и в Азии. В Азии Гок действовала как обычная акционерная компания, и никто из ее служащих не мог участвовать в торговле. Зона операций немногочисленных свободных голландских купцов была строго ограниченной. Эти ограничения распространялись, конечно, и на азиатских предпринимателей в местах и на путях, находившихся под непосредственным голландским контролем. С самого основания Гок существовала некая двойственность в голландской стратегии в Азии. С одной стороны, Гок была деловой корпорацией, чьей целью было не проповедовать Евангелие, а получать прибыль. С другой стороны, она была деловой корпорацией, имевшей свои собственные вооруженные силы и дипломатическую службу. Очень скоро стало очевидно, что эти инструменты могли быть использо-

¹ Ibidem.

² Ibidem.

ваны не только для защиты торговли компании, но и для получения прибыли. Самой значительной инновацией Гок в Индийском океане было создание сильной, постоянной, многосторонней торговой сети с центром в Батавии. Сохранившиеся в архивах письма генерал-губернатора и Совета в Батавии рисуют впечатляющую картину голландской активности. К 1630-м гг. Гок поддерживала регулярные контакты со своими служащими в Моха, Бандар Аббасе, Исфагане, Сурате, Ахмедабаде, Агре, Венгурла, Масулипатаме, Пуликате, Бенгале, Аракане, Пегу и в западной Суматре. В середине XVII в. к этому списку были добавлены еще Цейлон и Малабарское побережье.

Не существовало сколько-нибудь важного торгового района — за исключением принадлежавшего португальцам Гоа и Юго-Восточной Африки, — где бы Гок не имела постоянных представителей. При этом следует иметь в виду, что торговая сеть Индийского океана была лишь частью огромной голландской торговой сети, протянувшейся от Японии до Нидерланд. Особо следует остановиться на многостороннем характере деятельности Гок в Индийском океане.

Хотя существовало несколько фабрик, производивших товары, предназначенные для отправки в Нидерланды, главным занятием Гок была купля-продажа азиатских товаров в Азии. Учреждение постоянных штаб-квартир в Азии и получение там прибылей не только для того, чтобы оплачивать стоимость содержания голландских учреждений в Азии, но и для того, чтобы оплачивать экспорт в Европу, были значимыми событиями в истории европейского проникновения в Индийский океан. Доходы португальского «Государства Индии» едва ли были

достаточны, чтобы покрыть подобные расходы, а Гок впервые в истории стала тратить часть своих прибылей на оплату экспорта в Европу из Индийского океана – экспорта людей и капитала. К 1660-м гг. торговый капитал Гок, постоянно циркулировавший в Азии, оценивался от 10 до 12 млн флоринов, а ежегодная чистая прибыль от 1 до 2 млн флоринов.

Другим показателем того значительного места, которое заняла Гок в азиатской экономике и торговле, может служить число и тоннаж ее торговых судов, находившихся в азиатских водах. Хотя такие точные цифры не могут быть названы, пока они не будут подсчитаны на основе изучения архивных документов, уже сейчас некоторые имеющиеся данные дают достаточное представление о могуществе голландского торгового Флота. Судя по ним, к 1620-м гг. Гок уже имела под своим командованием от 30 до 40 судов с общим водоизмещением от 10 до 15 тысяч тонн, а к 1650-м гг. число голландских судов, действовавших в азиатских водах, увеличилось примерно до 60 с общим водоизмещением в 20 тыс. тонн. К 1680-м гг. число судов не увеличилось, но водоизмещение возросло до 30 тыс. тонн, и на этом уровне оно оставалось до середины XVIII в.¹

Однако несмотря на все вышесказанное, Батавия все же не стала подлинным центром индоокеанской торговли. Это можно объяснить несколькими причинами. Голландская политика не сделала Батавию привлекательной для других купцов Индийского океана, а во всех портах, где голландцы не имели командных позиций, с ними успешно конкурировали купцы из стран

¹ *Niels Steensgaard. The Indian Ocean Network and Emerging World – economy. 1500–1750. The Indian Ocean Explorations in History. – New Delhi, 1987. – P. 142.*

Индийского океана. Гок приобрела огромное преимущество, интернационализировав свое покровительство местным купцам и благодаря своей сложной сети коммуникаций, но это не играло решающей роли в торговле, хотя всегда означало высокие накладные расходы.

Как правило, прибыли Гок были на уровне 40–50 %, но в ряде случаев купцы Гок были не в состоянии конкурировать с купцами из стран Индийского океана, так как последние довольствовались гораздо более низким уровнем прибыли. В качестве примера можно привести случай с изделиями из хлопка, экспортируемыми в Персию, Красное море и в Юго-Восточную Азию. В 1630-х гг. Гок исходила из того, что прибыль от экспорта индийских хлопчатых тканей в Персию должна быть от 60 до 70 %, но обнаружила, что индийские купцы довольствуются прибылью в 10–15 %.

В губернаторство Ван Димена голландцы создали важную опорную базу в Индийском океане, обосновавшись в 1638 г. на втором острове группы Маскаренских островов, открытом около 1511 г. португальцем Домингушем Фернандишем. Они переименовали его в Маврикий в честь принца Морица Нассау. Голландцы не заинтересовались большим соседним островом Мадагаскар, так как там не было ни перца, ни специй, за исключением того, что это было место, где можно было получить рабов. Хотя на Маврикий ввозились рабы с Мадагаскара и ссыльные преступники из Батавии, он развивался с большим трудом.

Через несколько лет (в 1652 г.) голландцы обнаружили, что мыс Доброй Надежды, в ценности которого португальцы никогда не сомневались, был гораздо более удобной стоянкой для

судов, чем Маврикий, и они отказались от последнего в 1658 г. Вторая попытка обосноваться на этом острове была предпринята в 1668 г., но она была не более успешной, чем первая, и остров был окончательно покинут в 1710 г.

Поселение на Мысе Доброй Надежды, основанное двумя голландцами – Ван Рибеком и Ван дер Стелом, было первой настоящей колонией, основанной европейцами на пути в Индию. Ни Гоа, ни Малакка, ни Батавия, где преобладало азиатское население, не были действительно европейскими городами. С другой стороны, на Мысе Доброй Надежды отсутствие туземного субстрата (готтентоты не в счет) и отличный субтропический климат создали возможность для голландцев основать реальную колонию.

Однако в течение XVII в. и даже позже Батавия считалась гораздо более важным поселением, чем Мыс Доброй Надежды, который, несмотря на все вышесказанное, рассматривался как «второсортное поселение».

Могли ли голландцы после того, как они обосновались на Мысе Доброй Надежды, реально считать себя хозяевами Индийского океана? После основания Батавии, захвата Малакки и аннексии главных Островов пряностей (Индонезии) они, безусловно, удерживали под своим контролем весь регион Юго-Восточной Азии. Однако на Цейлоне они оказались не в состоянии полностью разгромить португальцев. Борьба за завоевание Цейлона продолжалась с переменным успехом до 1658 г., и только тогда весь остров попал под голландский контроль. В Индии изгнание португальцев из их факторий на Малабарском и Коромандельском побережьях завершилось лишь в 1663 г., но в это время они были лишь второстепенными факториями.

Главными опорными базами португальцев оставались их фактории в Гоа, Дамане и Диу, а их флот все еще представлял собой внушительную силу. Голландская активность в Индии была сконцентрирована на Коромандельском побережье, особенно в Пуликате, где голландцы скупали текстильные изделия и обменивали их затем в Индонезии на специи. Покупка специй на Малабарском берегу представляла для них меньший интерес.

В западном регионе Индийского океана в 1622 г. персы с помощью англичан отвоевали у португальцев Ормуз¹. Это событие открыло для голландцев новый торговый путь и ослабило позиции их соперников в этом регионе. Персия, вышедшая с победой из войны с Османской империей в XVI в., играла очень важную роль в истории торговли между Востоком и Западом в течение всего XVII в. Теперь голландцы, которые когда-то пытались достичь Востока средиземноморским путем, прежде чем воспользоваться путем вокруг Африки, снова обратили внимание на путь через Средиземное море, и успехи, достигнутые ими в Индийском океане, не помешали им возобновить торговлю с Левантом.

Захват Ормуза англо-персидскими войсками оказал значительное влияние на торговлю в западной части Индийского океана и, особенно на торговые связи между Суратом и Персидским заливом. Непосредственным результатом этого было перемещение торговли из Ормуза в Бандар Аббас на побережье Персии под присмотр персидских чиновников. Из Бандар Аббаса товары везли по караванным путям в хинтер-

¹ *Vali Ferenc. Op. cit., з. 10.*

лянд. Бандар Аббас вскоре превратился в порт международного значения, а позже возросло также значение порта Басра в глубине Персидского залива. Эти события освободили купцов не только от пошлин, взимаемых португальцами, но и от произвола продажных и неэффективных португальских таможенных чиновников. Другим результатом падения Ормуза было появление в торговле двух компаний, английской и голландской.

Их участие содействовало росту торгового предпринимательства в западной части Индийского океана в XVII в. В середине этого века особенно голландцы вложили большие инвестиции в эту торговлю. Эти события содействовали также росту индийской торговли в этом регионе, хотя многие индийские товары перевозились на английских и голландских судах. Большая часть этой торговли имела своим центром Сурат¹.

Роль Сурата как крупнейшего порта в океанической торговле в этом регионе сводилась к тому, что главные экспортные товары — хлопчатые ткани и индиго должны были ввозиться в Сурат из соседних портов. Таким образом, Сурат стал главным рынком для текстильных изделий. С этим была связана неудачная попытка европейских торговцев основать фабрики в таких соседних портах как Броач. Подобно этому, что касается импортных товаров, Сурат стал главным распределительным пунктом для этих товаров вдоль побережья и в хинтерлянде. Он играл такую же роль в реэкспорте товаров, не производимых в этом регионе. Главным среди этих товаров был перец, поступавший в Сурат из Канара и Малабара, где не-

¹ *Arasaratnam S.* India and the Indian Ocean in the XVII century. — India and the Indian Ocean 1500—1800. — Calcutta, 1987. — P. 108.

сколько суратских купцов контролировали этот рынок. Очень похожей была и роль, которую играл Сурат как распределительный пункт для товаров из Юго-Восточной Азии, специй и олова, но эта роль пошла на убыль после 1620-х гг.¹

Однако в это время голландцы, помимо традиционных врагов – португальцев, столкнулись с двумя более сильными соперниками – англичанами и французами. Хотя эти два народа не стремились, в отличие от голландцев, захватить в свои руки торговлю специями и вначале довольствовались гораздо более скромными операциями, особенно англичане, они, тем не менее, скоро сделали свое присутствие весьма ощутимым.

В конце XVII в. Гок была, несомненно, единственной торговой компанией, ежегодно отправлявшей огромные флотилии в Бенгалию, Коромандель и Сурат и удерживавшей при этом Кочин в качестве политической базы. Ее корабли с оранжевым флагом регулярно посещали также Персидский залив и Красное море, внося значительный вклад в торговлю в западной части Индийского океана.

В конце XVII в. под голландским контролем оказалось побережье Цейлона. Восточная Индонезия после тяжелых военных кампаний также перешла под голландский контроль в то же самое время. Яванское судоходство, имевшее своими базами порты в северо-восточной Яве, было уничтожено атаками яванского государства Матарам и было поглощено Гоком. Голландцы полностью аннексировали побережье северо-восточной Явы в 1740-х гг. Еще в 1680-х гг. они воспрепятствовали возможному возрождению судоходства в этом районе, разгромив Бантам. В результате в конце XVII в. голландский контроль

¹ Там же. – Р. 107.

над торговлей специями был исключительно эффективным. Однако по иронии судьбы тяжелая борьба, которая привела к уничтожению Макассара в 1660-е гг. и Бантама 20 лет спустя, отдала специи в руки голландцев как раз тогда, когда торговля ими стала менее важной, чем торговля индийскими текстильными изделиями, а затем стала еще менее важной в связи с ростом торговли китайским чаем. Однако голландцы полностью контролировали Зундский и Малаккский проливы и имели достаточно сил для того, чтобы не допустить разрушения своей системы. Вследствие этого индийское судоходство и торговля все больше и больше перемещались в малайские порты Кедах и Джохор и концентрировались на торговле оловом, слоновой костью и перцем с Суматры¹. Это утверждение голландского господства в Индийском океане имело своей основой морское могущество Голландии.

В конце XVII в. ежегодно из Европы приходили от 30 до 40 больших кораблей и оставались, чтобы участвовать в торговле «от порта к порту», прежде чем вернуться на родину. Флот Гок, базировавшийся в азиатских портах, тоже имел значительные размеры. Но эта тенденция, на которой Ян Питерзоон Коен основал свою морскую империю, уже стала видоизменяться. Кампании в конце XVII в., особенно на Яве, имели своей целью создание сухопутной империи. С наступлением XVIII в. именно создание сухопутной империи стало доминирующей целью голландской политики и поглощало ресурсы Голландии. Голландское судоходство в Индийском океане постепенно пошло на убыль. В 1674 г. голландцы имели в Азии 124 корабля всех

¹ Das Gupta Ashin. *India and the Indian Ocean in the XVIII century.* – *Ibid.* – P. 150–151.

размеров, а к 1704 г. их число сократилось до 81. К 1770-м гг. это число упало до 30. К концу XVIII в. размеры флота, действовавшего в Азии, сократились еще больше вследствие того, что значительному числу судов было разрешено вернуться из Бенгалии или Батавии в Европу¹.

В XVIII в. голландцы также стали отставать от англичан в технических знаниях и уровне экспертизы. Правда, они строили корабли большего размера и в достаточном количестве, но их суда имели меньшую скорость и были менее маневренными. Английские суда совершали путешествия быстрее и, естественно, несли меньшие человеческие потери. Английские морские атласы и карты превосходили голландские, так как последние продолжали воспроизводить их хорошо известные и полностью принимавшиеся на веру карты 1670-х гг. Голландцы также все больше испытывали трудности в наборе экипажей для своих судов, и в 1790-х гг. даже вынуждены были разрешить многочисленным китайским, малайским и индийским морякам плавать на их европейских судах. Индийские и азиатские моряки служили на голландских кораблях в Азии на протяжении всего XVIII в.

Этот упадок голландского судоходства в Индийском океане наряду со всевозможными торговыми и политическими проблемами имели своим результатом отказ Гок от навигации в Красном море в 1750-х гг. Однако голландцы к 1730-м гг. сосредоточили свои усилия на выращивании кофе на Яве и весьма прибыльно продавали его в Нидерландах. Правда, покупатели на рынках Индийского океана упрямо продолжали предпочитать яванскому арабийский кофе. В 1760-х гг. голландцы

¹ Ibid., p. 151.

также были вынуждены отказаться и от торговли в Персидском заливе, а торговля в Сурате к этому времени уменьшилась в два раза по сравнению с началом XVIII в.

Этот упадок торговли Сурата был обусловлен тем, что после 1759 г. англичане контролировали все морские связи города. Торговля с Бенгалией сократилась по той же причине. Все голландские учреждения вдоль Коромандельского побережья, как и повсюду в Индии, включая Кочин, потерявший всю свою торговлю к 1790-м гг., к концу XVIII в. попали в руки англичан¹.

То же самое произошло с голландскими учреждениями на Цейлоне. Еще в XVII в. Рижклофф ван Гоенс выдвинул идею переноса центра голландской империи из Батавии в Коломбо с тем, чтобы обеспечить удержание силой близких к острову восточного и западного побережий Индии. В 1740-е гг. эту идею возродил барон Ван Имхоф. Конечно, она никогда не имела никаких шансов на успех, особенно тогда, когда интересы голландцев на Яве резко выросли. Тем не менее, в конце XVII – начале XVIII вв. голландцы предприняли попытку взять под свой контроль торговлю Цейлона. В этой попытке голландский Цейлон фактически выступил против уже сложившейся системы торговли в Индийском океане и проиграл. Прибрежные торговые сети, приносившие рис из Бенгалии или раковины – Каури с Мальдивских островов и орехи арека с Малабара, не контролировались политиками. Правда, торговля корицей, а также специями на Молукках были монополией Гок. Но в обычной торговле другими товарами, где

¹ Das Gupta Ashin. *India and the Indian Ocean in the XVIII century.* – Ibid. – P. 152.

купцами были мелкие торговцы, имевшие доступ к крестьянину, контроль такого рода не работал.

Когда англичане пришли в Коломбо в конце XVIII в., торговля и политика Цейлона продемонстрировали, что в таком обмене заключался последний рубеж обороны индийского и азиатского купца¹.

Что касается торговли голландцев с Японией, они имели преимущество над всеми соперниками, так как получили разрешение учредить торговую факторию в Нагасаки в закрытой с 1640 г. стране. Таким образом, голландцы действовали как некое связующее звено между Индийским океаном и Японским морем. Они вывозили из Японии значительное количество золота и серебра, которое уменьшилось в начале XVIII века, так как добыча драгоценных металлов в Японии сократилась, и голландцы переключились на японскую медь. Вплоть до последней четверти XVIII в. японская медь продавалась, главным образом, на рынках в Индии и Персии при посредничестве голландцев. Но голландская торговля с Японией быстро пришла в упадок во второй половине XVIII в. До 1790 г. сегуны разрешали голландцам присылать только один корабль в год².

¹ Ibid., p. 152.

² Ibidem.

Глава III

СТОГЛАВАЯ ГИДРА ПИРАТСТВА

(«Чума» Индийского океана XVII—XVIII вв.)

В наши дни сомалийские пираты стали неперенными «героями» сводок новостей всех мировых информационных агентств. Однако пиратство не является изобретением XX или XXI вв. Оно имеет долгую историю и известно с древнейших времен. Пираты-варвары античного мира и европейские пираты, действовавшие в Вост-Индии, отличались особой жестокостью.

ПИРАТСКИЙ БЕРЕГ

В XVIII в. регион так называемого Договорного Омана был известен как Пиратский берег. Пиратство там процветало вплоть до 1819 г., и понадобились три британские военные экспедиции, чтобы навсегда изгнать оттуда пиратов и сделать безопасным судоходство в Персидском заливе.

Пираты Омана в конце XVII – начале XVIII вв. держали в страхе все восточное побережье Африки. Султан Сейф бин Султан (1680–1711 гг.) построил сильный флот, с помощью которого изгнал португальцев из многих поселений на Восточно-африканском побережье. В результате к 1698 г. все побережье от Могадишо до мыса Делгадо контролировалось Оманом¹.

Сейф бин Султан разграбил также город Салсетте в Индии, завоевал и в течение некоторого времени оккупировал Бахрейн.

¹ *Skeet Ian. Muscat and Oman. The End of an Era. – L., 1974. – P. 38–39.*

По словам современника, «Оман был сильным и процветающим под его правлением»¹.

Активность оманских пиратов не ограничивалась только восточно-африканским побережьем. Они начали войну против Персии, у которой сумели отвоевать острова Персидского залива, кроме Ормуза, откуда они были выбиты. В то же время пираты успешно атаквали и грабили португальские суда, шедшие в Гоа или из Гоа.

Захватив Бахрейн, оманские войска овладели также Кишма и Ларака. Тем самым они получили сильный плацдарм на подступах к главным портам южной Персии и заблокировали этот район для всех судов, кроме английских и голландских.

Объектом следующей атаки оманских пиратов стал Ормуз. Оманские войска высадились на острове и вошли в город, где они освободили из плена одного важного перса, поднявшего некогда восстание против Сефевидов. Но персидский гарнизон в крепости Ормуз отказался сдаться, и началась длительная осада. В Ормузе не было достаточного запаса воды, продовольственные припасы были на исходе, а сама крепость нуждалась в починке. Поэтому оманцы были уверены, что крепость долго не продержится. Персы попытались получить в Ормузе помощь от голландцев, но тщетно.

Единственной уступкой голландцев персам были письма комендантам крепостей Ормуза и Кишма, которые рекомендовали им не чинить препятствий торговле Бандер-Аббаса. Эти коменданты иногда отправляли голландцам дружеские послания и приглашения торговать с Маскатом. Однако голландцы не

¹ An Anonymous History of Oman probably written in about 1728 // Journal of the Asiatic Society of Bengal. Vol. XLIII.

ждали никаких выгод от торговли с Оманом, как, впрочем, и от помощи персам¹.

Между тем персы собрали армию в 8 тысяч солдат для того, чтобы отвоевать Бахрейн. Известия об отплытии этой армии заставили оманских военачальников в Ормузе снять осаду крепости и срочно отправиться с войском в Бахрейн, чтобы помочь ему в обороне. В результате персы получили возможность перебросить подкрепления в Ормуз и починить крепость. Однако главная цель персидской контратаки не была достигнута. Персы потерпели тяжелое поражение в Бахрейне, где они потеряли три четверти своих солдат. Но Ормуз снова был прочно в их руках, и оманцы больше не предпринимали попыток овладеть им.

«В 1715 году, — писал современник, англичанин Гамильтон, — арабский флот состоял из одного корабля с семьюдесятью четырьмя пушками, двух с шестьюдесятью пушками и один с пятидесятью, а также восемнадцать маленьких судов от двенадцати до тридцати двух пушек каждый. Благодаря этому флоту они держали под контролем все морские побережья от Мыса Коморин до Красного моря»²

Чтобы дать отпор оманским пиратам, персы предприняли совместную операцию с португальцами. В 1719 г. португальские и персидские войска нанесли серьезное поражение флоту Маската. Сам Маскат не был атакован, поскольку персидское войско не было достаточно большим. По той же причине

¹ *Slot B. J. The Arabs of the Gulf. 1602–1784. Leidschendam, 1993. — P. 237.*

² *Hamilton A. A. New Account of the East Indies. Edinburgh, 1727, I. — P. 74.*

португальцы не пытались восстановить свою власть на побережье Африки к северу от Мозамбика, они не имели войск, достаточно многочисленных, чтобы изгнать значительное арабское население, поселившееся в этом регионе.

Однако в 1728 г. португальцы сумели снова захватить Момбасу и удерживали ее некоторое время. Собравшись с силами, оманские пираты возобновили атаки против Персии. Надир-шах, правивший в этой стране, купил у торговавших в Заливе европейцев несколько кораблей и, добавив их к тем, что он построил в Сурате, отправил в 1742 г. экспедицию против Маската, который вынужден был признать его своим сувереном.

ПИРАТЫ МАДАГАСКАРА

Около 1685 г. в северном Мадагаскаре, в Диего-Суарез, возникла необычная пиратская «республика», просуществовавшая приблизительно до 1730 г.

Широкомасштабное пиратство выросло в Индийском океане из флибустьерства в Вест-Индии, которое достигло пика между 1550 и 1685 гг. В это время пираты из своего поселения в Вест-Индии вынуждены были переселиться на западное побережье Африки и нашли временное убежище в Сьерра-Леоне. Но, поскольку Индийский океан предлагал лучшие возможности, они, в конце концов, раз и навсегда обосновались на Мадагаскаре. После резни в Форт Дофине (1674 г.) французы покинули этот остров, и, следовательно, это место не контролировала ни одна держава. Там пираты основали своеобразную «коммунистическую республику», которой дали многозначительное название «Либерталия» («Свободная»).

Как и всякое уважающее себя государство, Либерталия имела кодекс законов, которые строго исполнялись, различные административные учреждения и даже свой язык, который был своеобразным эсперанто, составленным из нескольких европейских языков. Подавляющее большинство пиратов Либерталии составляли лица европейского происхождения. Многие из них финансировались и снабжались из Америки. Существует легенда, что в числе вождей пиратов Мадагаскара была женщина-англичанка¹.

«Отцами-основателями» республики Либерталия были француз-авантюрист Миссон и итальянский монах-расстрига Карачиолли. Автор лучшей книги о пиратах Мадагаскара француз Дешамп называет их «пиратами-философами»². Кроме этих двух самыми знаменитыми флибустьерами Либерталии были англичане Рид, Тит, Вильямс, Эвери, Кидд, американцы Тью, Баргесс и Хелси, ирландец Корнелиус, ямаец Плантайн и француз Ле Вассер. Как видим, пиратское братство на Мадагаскаре включало в себя людей самой различной этнической принадлежности, но с преобладанием английского элемента³.

Операции пиратов Либерталии не ограничивались районами Мадагаскара и Маскаренских островов, но покрывали практически весь Индийский океан. Они атаковали арабские, индийские и европейские суда, не делая между ними никакого различия, и их, видимо, абсолютно не пугало господство оманских арабов в западных регионах Индийского океана. Любопытно,

¹ *Belgrave Ch.* The Pirate Coast. — L., 1966. — P. 28.

² *Deschamps H.* Les Pirates a Madagascar aux XVII et XVIII siècles. — Paris, 1949.

³ *Gosse P.* The Pirates. Who's Who. — L., 1924.

что мадагаскарцы имели сообщников во всех портах. Дешамп пишет, что некоторые торговцы Малабарского побережья информировали их о передвижениях судов, а затем покупали у них награбленную добычу¹.

В 1696 г. пиратам помог даже английский губернатор Бомбея, сообщив важные для них сведения. Добыча была столь значительной, что на Мадагаскаре возник «рынок веселого Роджера», где около 1700 г. купцы из Северной Америки регулярно запасались припасами, обозначив, таким образом, свое первое появление в Индийском океане. Еще важнее, что в Нью-Йорке, Бостоне и Филадельфии были организованы пиратские экспедиции в Индийский океан.

Дешамп выделяет три главных периода в развитии пиратства на Мадагаскаре:

1. Период Эвери, Миссона и Кидда (1685–1701 гг.);
2. Период малозначительных пиратов (достиг пика около 1705 г.);
3. Период последних флибустьеров (1718–1726 гг.).

Два события привели к гибели Либерталии во второй декаде XVIII в. Первым было появление пушек на кораблях торговых компаний, что сделало их захват более трудным делом. Второе событие – колонизация французами Маскаренских островов, начавшаяся в 1674 г., но вступившая в особенно активную фазу в 1721–1725 гг., и оккупация Маврикия, переименованного в Иль-Де-Франс в 1721 г.²

Десфорж-Бушер сумел привлечь большое число пиратов с Мадагаскара на остров Бурбон и заставить их платить дань

¹ *Deschamps H. Op. cit.*

² *Lougnon. L'île Bourbon sous la Regence. – Paris, 1956.*

поселению на этом острове; тех, кто отказывался это делать, жестоко наказывали. Один из последних сопротивлявшихся француз Ла Бус был схвачен и повешен на Бурбоне в 1730 г.¹

Дети, которых пираты Либерталиии имели от мальгашек, главным образом из племени бетсимисарака, и дети этих детей продолжали заниматься пиратством на протяжении XVIII в. и даже в начале XIX в. Они провели много мелких операций, хотя иногда в них участвовало до 500 лодок и 18 тыс. воинов. Как правило, они нападали на Коморские острова, но иногда и на африканское побережье.

ПИРАТЫ МАЛАБАРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

В XVII–XVIII вв. «грозой» Индийского океана были пираты-маратхи Малабарского побережья Индии. Битвы, в которых они сражались с 1655 по 1758 гг. сначала с войсками Великого Могола, а затем с европейскими войсками, вошли в число самых памятных сражений, которые имели место в водах Индийского океана, хотя еще император Акбар (1556–1605 гг.) создал сильный флот. При Аурангзебе (1658–1707 гг.) флот базировался не на западном, а на восточном побережье Индии. Воспользовавшись этой ошибкой, вождь маратхов Шиванджи в 1657 г. восстал против Аурангзеба. Построив на Малабарском побережье многочисленный флот, он «вел жизнь разбойника, нападая на биджапурские города и гарнизоны. Он захватил несколько важных крепостей и дважды нанес поражения большшм биджапурским армиям. Его слава росла»².

¹ Ibidem.

² *Алаев Л. Б.* Средневековая Индия. – СПб., 2003. – С. 190.

Главной базой маратхов был Колаба, а позже Герия, которая долгое время считалась неприступной крепостью. Что касается войск Великого Монгола, то они базировались в Джанджира, куда Аурангзеб перевел свой флот, поручив ему защиту торговли Сурата¹.

В 1660 г. Аурангзеб послал против Шиванджи огромную армию, но она была разгромлена. Более того, маратхи совершили дерзкий налет на порт Сурат и разграбили его. Новый поход против Шиванджи в 1665 г. оказался более удачным. Маратхи были вынуждены заключить мир, по которому они отдали моголам 23 крепости, сохранив за собой только 12. В 1666 г. Аурангзеб потребовал, чтобы Шиванджи лично явился к нему в Агру. Вождю маратхов были предоставлены слоны, серебряные паланкины и свита, но по прибытии в Агру он был заключен под домашний арест. Шиванджи умер в 1680 г.

До 1683 г. Великим Моголам удавалось противостоять маратхам, но когда во главе их встал знаменитый Каноджи Ангре, ситуация изменилась². То, что вначале было национально-освободительным антимогольским движением, превратилось в широкомасштабное пиратское предприятие. Во флоте Ангре служили не только маратхи, но и огромное количество европейских, арабских и африканских моряков. Ангре напал на Джанджиру, а вскоре завладел всем побережьем к югу от Бомбея и направил свои атаки не только против судов Могола, но и также против судов Ост-Индской компании. Чтобы защититься от этой угрозы, компания была вынуждена организовать специальное войско в Бомбее. В 1717–1722 гг. это войско

¹ *Toussant A. Op. cit., p. 142.*

² *Алаев Л. Б. Средневековая Индия. – СПб., 2003. – С. 191.*

вело боевые действия против маратхов, но не сумело выбить Ангре из его убежищ. В 1724 и 1728 гг. Ост-Индская компания пыталась завладеть Герия, но безуспешно. Лишь в 1756 г. сильная британская эскадра под командованием адмирала Уотсона и полковника Клайва сумела рассеять пиратов и оккупировать Герия¹.

Даже Индонезия, где обосновались голландцы, постоянно сталкивалась с «чумой» XVII–XVIII вв. – пиратством, этой гидрой с сотней голов, всегда отраставших вновь.

ПИРАТЫ ПЛЕМЕНИ ДЖОАСМИ

С середины XVIII в. наиболее активными пиратами Персидского залива были представители племени Джоасми, главным городом которых был Рас-аль-Хайма (севернее Маската). Они прочно обосновались в своих укрепленных городах на Пиратском берегу и владели островами Кишм и Линга у побережья Персии, контролируя, таким образом, оба берега узкого Ормузского пролива. Единственным местом на Пиратском берегу, над которым им не удалось установить контроль, был Маскат, правители которого упорно сопротивлялись Джоасми – сначала самостоятельно, а потом с помощью англичан.

Даже когда пиратство было в зените своего могущества, те, кто страдал от него, знали, что у пиратов есть свой «кодекс чести», что они имели «некоторые благородные черты» и, несмотря на свою дикую жестокость, уважали «достоинство и честь женщин»².

¹ *Toussant A.* Op. cit., p. 143.

² *Belgrave Ch.* Op. cit., p. 28.

Пираты были бесстрашными людьми и проявляли безжалостность лишь в тех случаях, когда месть казалась им компенсацией за жизнь убитых товарищей. Эти «морские волки» Пиратского берега нападали не только на суда арабских соседей, но и захватывали суда британской Ост-Индской компании, смело атакывали британские военные корабли и угрожали судоходству на западном побережье Индии вплоть до Бомбея.

В 1743 г. в Оман вторглись персы. Но пришедший к власти в 1749 г. Ахмед бин Саид пригласил персидских военачальников для подписания договора и праздничного пира в форт Бирка. Когда персы увлеклись обильной трапезой, на них внезапно напали прятавшиеся до этого оманские воины и перерезали их всех до одного¹.

После разгрома персов началась долгая борьба между правителем Омана и пиратами Джоасми.

В 1683 г. судно «Президент», принадлежавшее Ост-Индской компании, подверглось нападению Джоасми, но пираты были разбиты.

В 1696 г. судно Ост-Индской компании под командованием капитана Собриджа, перевозившее лошадей в Сурат, было захвачено пиратами. Собридж пытался наставлять пиратов на правильный путь жизни, но они приказали ему «попридержаться свой язык». Однако он не внял этому совету и продолжал увещевать пиратов. Капитан, вероятно, говорил по-английски или на хиндустани, и пираты-джоасми вряд ли много поняли из того, что он говорил. Возмущенные его поучениями, они матросской иглой и бечевкой сшили ему губы и, связав

¹ *Skeet I. Op. cit.*, p. 39.

за спиной руки, бросили его и его людей в пиратскую лодку (доу), в то время как судно с лошадьми было предано огню. Собридж с его командой был затем высажен на берег, где он вскоре умер¹.

В 1698 г. Ост-Индская компания обратилась к местному правительству в Бомбее с просьбой о помощи против пиратов. Через несколько лет англичане, французы и голландцы, хотя и были торговыми соперниками, договорились объединиться для борьбы с пиратством в Красном море, Индийском океане и Персидском заливе.

В 1797 г. крейсер Ост-Индской компании «Випер» бросил якорь на рейде в Бушире (Иран). Капитан сошел на берег, команда завтракала на палубе, а офицеры были внизу. В гавани находилось несколько доу джаосми. Их капитаны попросили агента компании продать им немного пороха и пушечное ядро. Англичане исполнили их просьбу, так как им показалось, что у них нет дурных намерений. Внезапно доу открыли огонь по «Виперу» и приготовились взять его на абордаж. Лейтенант Каррутес приказал морякам занять свои посты, якорный канат был перерублен, и судно двинулось в открытое море, преследуемое четырьмя доу, наполненными вооруженными пиратами. «Випер» подвергся обстрелу, пуля попала Каррутесу в пах. Он перевязал рану и продолжал командовать, пока не был убит выстрелом в голову. Командование взял на себя молодой офицер. В результате сражения, в котором было много убитых, пираты были отбиты. Многие ожидали, что компания отомстит за это вероломное нападение, но инцидент был проигнори-

¹ *Belgrave Ch. Op. cit.*, p. 28.

рован Бомбеем, который не предпринял никаких шагов, чтобы наказать пиратов.

Поняв, что они могут безнаказанно нападать на британские суда, пираты стали еще более дерзкими. В 1804 г. крейсер Ост-индской компании «Флай», везущий депеши и сокровища в Бомбей, проходя около острова Кенн, сел на мель. Офицеры и матросы сумели добраться до Бушира, где они наняли доу, которая должна была доставить их в Бомбей. По пути в Бомбей они были схвачены пиратами джоасми и привезены в Рас-аль-Хайма, где были показаны жителям как диковинные существа.

Современник событий Бакингом свидетельствует: «Женщины-джоасми были столь дотошны в своем расследовании, что не успокоились, пока не выяснили, чем именно необрезанный неверный отличается от истинного верующего»¹.

Спустя некоторое время, поскольку выкуп не последовал, пираты решили убить своих пленников. Но англичане спасли свои жизни, предложив показать им место, где затонул корабль с сокровищами.

Пираты доставили пленников к мелководью, где находился корабль. Когда пираты нырнули в море, оставив лишь малочисленную охрану, пленники попытались сбежать, но были схвачены. Пираты обнаружили сокровища и депеши. Последние они отдали англичанам, не видя в них никакой пользы.

Пираты отплыли, оставив пленников на острове, предварительно перебив жителей единственной деревни. А экипаж «Флай» нашел две лодки на берегу и вышел на них в открытое море. Одна из этих лодок погибла, а другая достигла персидского

¹ *Buckingham J. S. Travels in Syria, Media and Persia, 1830.*

берега. Оставшиеся в живых отправились пешком через Персию в Бушир. Большинство из них умерло во время этого долгого и утомительного путешествия. Только два англичанина, офицер и матрос, прибыли в Бушир. Оттуда они добрались до Бомбея с пакетом депеш, за сохранение которого были вознаграждены всего-навсего благодарственным письмом от правительства, несмотря на свои беспримерные страдания¹.

Бомбейское правительство не предпринимало никаких действий против пиратов. Больше того, капитанам судов было приказано ни в коем случае не атаковать «этих невинных туземцев Залива». Такая политика была обусловлена тем, что правительство опасалось быть вовлеченным в конфликт с ваххабитами, так как было известно, что ваххабиты поддерживали и поощряли пиратов и получали долю их добычи.

Пираты, поняв, что репрессий не будет, стали еще более наглыми, в 1805 г. они захватили два брига, принадлежавшие Мэнести — английскому резиденту в Басре. Многие члены их экипажей были убиты, а капитану одного из бригов отрубили руку, так как увидели, что он стрелял из мушкета. Он спас свою жизнь тем, что сунул обрубок руки в кипящее масло. Два брига были добавлены к флоту пиратов.

Вскоре после этого было атаковано судно Ост-Индской компании «Фьюри», но атаку отбили. По возвращении в Бомбей капитан получил строгий выговор за то, что открыл огонь по пиратам и тем самым нарушил приказ. Еще два судна, «Морнингтон» с 24 пушками и «Тейнмаут» с 18 пушками, были атакованы, но сумели уйти. Среди офицеров и матросов росло чувство беспомощности.

¹ *Buckingham J. S. Travels in Syria, Media and Persia, 1830.*

В начале 1806 г. бомбейское правительство отправило флот для совместных действий с войсками Маската против пиратов джоасми. Остров Кишм был заблокирован, и вождь джоасми султан бин Сеггар согласился принять предложение о мире.

В феврале 1806 г. был подписан мирный договор, который предусматривал, что вождь джоасми и его люди «будут уважать британский флаг и собственность достопочтенной Ост-Индской компании». Договор также предусматривал, что пираты вернут собственность, которую отняли, и будут помогать каждому британскому судну, которое может быть отнесено к Пиратскому берегу¹.

В течение некоторого времени британские корабли патрулировали залив, и в этот период пираты не давали о себе знать, но как только эскадра вернулась в Бомбей, договор стал пустой бумажкой.

В 1808 г. судно «Мэнести» было захвачено пиратами после морского боя, продолжавшегося несколько дней. Большинство членов экипажа были зарезаны, а капитан изрублен на куски и выброшен за борт. В том же году крейсер «Силф» Ост-Индской компании был захвачен пиратами. Капитан Грэхем подчинился приказу и не открывал огонь. Его корабль был взят на абордаж, и большая часть экипажа была убита. Грэхем, тяжело раненный, упал в люк. Матросы спрятали его в каюте и забаррикадировали дверь. Между тем пираты направили судно в Рас-аль-Хайма.

К счастью, это заметил другой английский корабль, который начал преследовать «Силф». Тогда пираты уплыли на

¹ *Buckingham J. S. Travels in Syria, Media and Persia, 1830.*

лодках, и Грэхэм и другие оставшиеся в живых моряки были спасены¹.

Другое судно, «Наутилус», было атаковано у острова Кишм, но капитан проигнорировал приказ и открыл огонь. В результате кровопролитного сражения, в котором было много убитых, атака пиратов была отбита.

В конце концов, бомбейское правительство поняло, что, если оно не предпримет серьезную акцию, то лишится возможности торговать в заливе. Пиратский флот в то время насчитывал свыше 60 больших судов и несколько сотен более мелких с общей численностью экипажей около 20 тыс. человек. Многие из этих судов были вооружены пушками, снятыми с захваченных кораблей, но пираты не умели ими как следует пользоваться. Правительство, хотя и стремилось избежать конфликта с ваххабитами, решило послать экспедицию против Пиратского берега, чтобы оказать поддержку султану Маската. Приказы командующему экспедицией были составлены в осторожных выражениях в том смысле, что следовало атаковать только джоасми, хотя те действовали вместе с ваххабитами.

Экспедиция отплыла из Бомбея в сентябре 1809 г. под командованием полковника Лионеля Смита, отец которого был директором Ост-Индской компании. Смит был умелым военачальником. Позже он стал генерал-губернатором Ямайки, где сыграл выдающуюся роль в освобождении рабов, а закончил карьеру на посту губернатора Маврикия.

Войско Смита состояло из тысячи английских солдат, отряда бомбейской артиллерии и тысячи индийских солдат. В его

¹ Ibidem.

распоряжении были 8 кораблей компании, 4 транспортных судна и 2 фрегата королевских ВМС.

Когда после долгого плавания эскадра достигла Маската, «город был наполнен радостью». Рассчитывая на поддержку англичан, султан объявил войну ваххабитам и изгнал их представителя из Маската.

После некоторой задержки в Маскате, которая дала пиратам время укрепить свою оборону, эскадра Смита отплыла вместе с кораблем султана Маската «Салли». Вскоре в Барка к ним присоединилось большое султанское войско. Первым городом, который атаковала эскадра, был Рас-аль-Хайма. Войска высадились на берег под прикрытием орудийного огня, и после нескольких штыковых атак город был взят. Около 60 пиратских лодок были сожжены. На следующее утро войска отступили и погрузились на корабли, так как стало известно, что на помощь к джоасми идет большое войско ваххабитов.

Эскадра пересекла залив и подошла к Линга на персидском берегу, который был взят без сопротивления. Из Линга часть экспедиции двинулась к Луфт на острове Кишм, а другая часть вернулась в Маскат. Джоасми, осажденные в Луфте, отказались сдаться и оказали ожесточенное сопротивление: из своих укреплений они обстреливали атакующих из мушкетов. В своих красных мундирах и ярких униформах британские солдаты оказались отличными мишенями. Британские войска были вынуждены отступить под огнем противника. Джоасми был предъявлен ультиматум о сдаче в определенный срок, но рано утром еще до истечения этого срока, к удивлению всей эскадры, на стене крепости появился человек, размахивающий британским флагом. Это был лейтенант

Холл, который подошел к крепости и обнаружил, что гарнизон ее покинул.

Город затем был взят и возвращен султану, у которого его отняли джоасми. После этого эскадра посетила еще несколько портов, всюду уничтожая лодки пиратов.

В январе 1810 г. объединенные силы англичан и султана Маската атаковали порт, который участник сражения Мауризи называет «отвратительным городом Шинас». Переговоры о сдаче кончились безрезультатно. Пираты сознательно затягивали их, чтобы выиграть время. Город был взят после бомбардировки, а жителям, за исключением тех, кто были взяты в плен, после сдачи оружия было позволено бежать. Чтобы британские и индийские войска могли отличить людей султана Маската, последним было рекомендовано обвязать голову белыми платками, но, поскольку большинство арабов носят куфии, этот метод идентификации оказался непригодным и привел к ужасной путанице.

После взятия «отвратительного города Шинас» были получены сведения о том, что к Рас-аль-Хайма движется большое войско ваххабитов. Полковник Смит разместил войска на берегу, а на флангах поставил людей султана. В это время кавалерия султана, преследовавшая пиратов, вернулась в беспорядочном бегстве, преследуемая противником. В наступившей неразберихе многие воины султана были убиты британской артиллерией, принявшей их за пиратов. Полковник Смит отказался двигаться в глубинку, когда султан просил его это сделать, ссылаясь на присланный ему приказ ограничиться атаками на пиратские города. Затем британские и индийские войска погрузились на свои корабли и отплыли от города.

Вскоре на берегу появились ваххабиты во главе с Мутлак аль-Мутайри, который обрушился на маскатцев. Битва продолжалась около двух часов, после чего султан Маската увидел свою армию разгромленной наголову. Участник этой битвы Мауризи свидетельствует, что «море было наполнено людьми, пытавшимися бежать от ваххабитов».

Вероятно, многие из людей султана были арабами из глубинки и, в отличие от прибрежных жителей, не умели плавать. Англичане видели этот разгром войск султана со своих кораблей и выражали возмущение «трусостью союзников».

На следующее утро Мутлак верхом на коне с белым флагом в руках появился на берегу. По свидетельству Мауризи, Мутлак предложил прекратить нападать на британские суда, если англичане прекратят поддерживать султана. Мауризи был «очень удивлен вежливостью, с которой Мутлак говорил» и «его благородными манерами». Он был «красивым мужчиной, имел воинственный вид, неустрашимую отвагу и был способным политиком и искусным генералом». Мутлак был убит в 1813 г. в битве против войска Маската.

Договорившись о перемирии с Мутлаком, британская эскадра вернулась в Бомбей.

Пираты не давали о себе знать до тех пор, пока не построили новый флот. Тогда они, несмотря на все попытки султана уничтожить их, стали так же сильны, как были до британской экспедиции.

С 1814 г. джоасми при поддержке ваххабитов снова развернули активные пиратские действия, грабя корабли, истребляя их экипажи и нападая на суда, плававшие под британским флагом. В это время могущество их союзников — ваххабитов

пошло на убыль. Это было связано с приходом египетских войск в Аравию и смертью ваххабитского эмира Сауда бин Сауда, чьим преемником стал сын Абдалла, «которому общественное мнение приписывало самые низкопробные пороки».

В 1816 г. корабль Ост-Индской компании «Дериа Доулат» подвергся нападению пиратов, убивших большую часть экипажа. За этим последовали плохо организованные «демонстрации силы» четырех британских судов у Рас-аль-Хайма. Сопровождавший эту эскадру британский резидент в Бушире Брус потребовал от вождя джоасми возвращения награбленного и передачу ему нескольких своих родственников в качестве заложников. Инструкции из Бомбея гласили, что если пираты примут эти требования, то не следует предпринимать каких-либо дальнейших действий. Но если они откажутся это сделать, «эскадра должна дать понять вождю, что он может вызвать недовольство британского правительства».

Встречу командующего эскадрой с вождем пиратов описал позднее переводчик Бакингом. Беседа проходила на открытом воздухе, и вождь и англичане сидели на земле. Вождь джоасми «был маленьким человеком, вероятно, около сорока лет, с хитрой и саркастической улыбкой»¹. За ним стояла охрана из 50 человек, вооруженных мушкетами, шпагами и щитами. Для принятия британского ультиматума вождю дали срок до полудня. Однако он отверг британские требования и заявил, что пошлет своего представителя вести переговоры с правительством в Бомбее. Тогда корабли открыли огонь по пиратским доу, стоявшим на якоре у берега.

¹ *Buckingham J. S. Op. cit.*

«По крайней мере, 300 выстрелов было сделано с кораблей эскадры, но ни один из них не причинил никакого вреда», так как доу стояли слишком далеко. «После этого корабли подняли паруса, оставив пиратов исполнять победные военные танцы на берегу и положив, таким образом, конец пустым переговорам»¹.

Вдохновленные этим успехом, джоасми предались пиратству с еще большей энергией. У них появились основания считать, что англичане, несмотря на превосходство их флота и оружия, неспособны им сопротивляться. Такова была ситуация в Персидском заливе, когда летом 1818 г. из Плимута вышел корабль «Эден» под командованием капитана Френсиса Лоча, чтобы навсегда положить конец пиратству. На корабле было 26 пушек и 125 солдат. По дороге к «Эдену» присоединилось еще несколько кораблей с большим числом солдат на борту. Это была самая сильная экспедиция, когда-либо появлявшаяся в Персидском заливе. Войска состояли из почти 3000 солдат, в том числе 1300 европейцев. В экспедиции участвовали 12 британских военных и несколько транспортных судов, а также флот султана Маската². Экспедицией командовал Вильям Грант Киер — опытный военачальник, служивший в Европе и Индии.

В начале ноября 1818 г. началась осада Рас-аль-Хайма. Это была самая сильная крепость на Пиратском берегу. Она стояла на узком перешейке, протянувшемся на 3–4 мили в длину и 1 милю в ширину, и имевшем бухту, дававшую безопасную стоянку для доу. Со стороны моря крепость была защи-

¹ Ibid.

² *Belgrave Ch.* Op. cit., p. 135.

щена длинным песчаным валом. Стены города имели башни и были сделаны из кораллов и глины и имели пятнадцать футов ширины в основании, сужаясь кверху. В центре стены были городские ворота, защищенные двумя квадратными башнями. Позади ворот находилась цитадель — высокое массивное строение из камня. В центре города была другая большая круглая башня, окруженная высокой стеной. В городе было много каменных зданий .

9 ноября 1818 г. Рас-аль-Хайма была взята штурмом. Жители покинули город. По оценке Лоча, их было 7—8 тысяч.

22 декабря сдалась последняя крепость пиратов, Зайя. Позже англичане уничтожили много пиратских судов и несколько крепостей в других городах на Пиратском берегу. Вождь джосми шейх Хассан бин Рахмах, чье имя еще недавно наводило ужас повсюду в заливе, теперь униженно просил у Гранта Киера мира и милосердия.

Стоглавая гидра пиратства в Индийском океане лишилась одной из своих главных голов.

Глава IV

НАЧАЛО БРИТАНСКОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ В ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

Попытки проникновения Англии на восток начались с английских путешествий в Средиземном море, которые были изучены Ф. Броделем. Начиная с 1573 г. британские корабли плавали в Средиземном море, достигнув Ближнего Востока. Когда началась торговля между Англией и Османской империей, была создана компания Леванта в 1581 г., на 20 лет раньше Ост-Индской компании. «Англичанин прежде всего положил глаз на Сирию и ее сухопутные пути, — пишет Ф. Бродель. — Именно с Сирией он мечтал наладить бизнес и именно там он организовал торговлю «товар за товар», которую не смогло тотчас же разрушить второе открытие Мыса Доброй Надежды голландцами»¹.

Первым английским флотом, вошедшим непосредственно в Индийский океан, был флот знаменитого пирата Дрейка. Он вошел туда не тем путем, который обычно использовался, а через Тихий океан, путем, который был открыт Магелланом в 1521 г. Однако экспедиция Дрейка (1577–1580 гг.) была скорее превентивной операцией против испанцев, чем коммерческим предприятием. Первые британские коммерческие экспедиции были отправлены в Индийский океан лишь в 1591 г., и шли они обычным путем мимо Мыса Доброй На-

¹ Braudel F. *La Mediterranee et Le monde mediterraneen*. — Paris, 1949. — P. 486.

дежды. Хотя англичане разгромили «Великую Армаду» Филиппа II в 1588 г., они еще не чувствовали себя достаточно сильными и пришли к Островам пряностей как младшие партнеры голландцев.

Приход в Индийский океан северо-западных европейцев (голландцев и англичан) в конце XVI – начале XVII вв. сыграл огромную роль в истории торговли между Азией и Европой. Попробуем выяснить, какое влияние он оказал на внутренний баланс и соотношение сил в торговле в Индийском океане. С этой точки зрения, три события заслуживают нашего внимания.

Во-первых, резкое ослабление позиции Гоа, и, во-вторых, упадок Гоа привел к росту торговли Гуджарата, теперь сконцентрированной в Сурате. В-третьих, доступ к юго-восточной Азии стал в значительной степени контролироваться голландской Ост-Индской компанией (Гок), которая постаралась использовать свою позицию для того, чтобы сделать Батавию центром индоокеанской торговли¹.

Гоа приобрел свою позицию с помощью насильственного принуждения и потерял ее тем же способом. Как видно из документов, торговля Гуджарата приобрела большое значение в экономике Гоа благодаря крайне раздраженной португальской реакции на первые голландские и английские попытки начать торговлю в Сурате. Вначале Моголы поддерживали португальцев, но когда военно-морское превосходство новых пришельцев было убедительно продемонстрировано в нескольких сражениях в первой четверти XVII в., Моголы прекратили поддерживать португальцев и приветствовали приход северо-

¹ *Niels Steensgaard. Op. cit., p. 136.*

западных европейцев на космополитические рынки Сурата и в его хинтерлянде.

Конкуренция голландцев и англичан на рынках дальнего востока и дальнего запада, постоянные блокады Гоа и англо-персидское завоевание Ормуза в 1622 г. еще больше ослабили португальцев, и Гоа превратился из центра индоокеанской торговли во второстепенный порт¹. В то время как Гоа потерял свои прежние позиции, северо-западные европейцы не пытались сразу же создать свой собственный центр торговли. Вместо этого они постарались интегрироваться в торговую сеть с центром в Сурате. Часть торговли из Сурата, в частности, та, что велась с юго-восточной Азией, была взята этими новыми пришельцами под свой контроль. Непосредственная торговля между Суратом и Ачехом в середине XVII в. прекратилась на несколько десятилетий. Но в целом упадок Гоа и изгнание португальцев стимулировали торговлю Сурата. Потеря рынков Ачеха и Гоа была компенсирована покупками голландцев и англичан и более легким доступом к Красному морю и Персидскому заливу. Кроме того, упадок морского могущества Португалии укрепил позиции суратских торговцев визави с торговцами на караванных путях между Индостаном и Персией².

Во второй половине XVII в. Сурат был важнейшим торговым центром в Индийском океане. Возникли и выросли другие центры, но ни один из них не мог соперничать по своему значению с Суратом. Купцы Коромандельского побережья также активизировали свою «заморскую» деятельность. По некоторым сведениям, в 1681–1682 гг. 25 судов отплыли из Северного

¹ Ibidem.

² *Niels Steensgaard*. Op. cit., p. 137.

Короманделя – Пуликата, Порто Ново и Негапатама к Ачеху, Аракану, Бенгалу, Бантаму, Пегу, Макао, Малакке, Маниле и Малайе. К этому надо еще добавить 43 маленьких корабля, отплывших из Негапатама к Цейлону. После изгнания португальцев из Хугли, торговля, базировавшаяся в Бенгалии, во второй половине XVII в. также процветала. К концу этого века, как видно из голландских архивных документов, из Хугли и Баласоре ежегодно отплывали от 20 до 35 судов к Цейлону, Тенассерим, Кедах, Ачеху, Маниле, Сурату, Короманделю, Пегу, Малабару, Персии и к Красному морю. В это число не входят небенгальские суда, особенно суда из Короманделя, Малабара и Сурата, которые везли товары дальше на Запад, в то время как бенгальские суда шли главным образом к Цейлону, Мальдивским островам, Пегу, Аракану и Индонезии¹.

¹ *Om Prakash*. The European Trading Companies and the Merchant of Bengal. 1650–1725. – «Indian Economic and Social History Review», Vol. 1. – Pp. 37–63 a.

Глава V

ОСТ-ИНДСКАЯ КОМПАНИЯ: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ

В 1600 г. английскими коммерсантами была основана Ост-Индская Компания (ОИК), главным образом, для торговли с так называемой Ост-Индией. Королева Елизавета I пожаловала Компании Хартию, предоставившую ей на 15 лет монопольное право на торговлю в Азии, Африке, Америке, на всех островах и во всех гаванях в обширной зоне от Магелланова пролива до Мыса Доброй Надежды. В 1609 г. права ОИК были подтверждены королем Яковом I.

Ряд хартий, принятых английским правительством, были вехами укрепления позиций ОИК: хартия Кромвеля 1657 г., хартия 1661 г., давшая ОИК право объявлять войну и заключать мир, и хартия 1686 г., по которой ОИК получала права чеканки монет, организации военно-полевых судов и содержания собственных армий и флота¹.

ОИК управлялась Советом собственников и Советом директоров. Главной функцией Совета собственников было выбирать членов Совета директоров. Чтобы быть «квалифицированным» членом Совета собственников, имеющим право участвовать

¹ Антонова К. А. *Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г.* История Индии. – М., 1979. – С. 250.; *Парфенов И. Д.* Монополия и империя: английские привилегированные компании в колониальной экспансии в 80-х–90-х гг. XIX в. – Саратов, 1980.; *Олтаржевский В. П. и др.* Английская Ост-Индская компания в XVII в. – Иркутск, 1988.

в тайном голосовании, необходимо было владеть акциями на 1000 ф. ст. Те, кто имели акции на меньшую сумму (но не менее 500 ф. ст.), могли голосовать только поднятием рук, но не бюллетенем. Кандидатами в члены Совета Директоров могли быть лишь те, кто владел акциями не меньше чем на 2000 ф. ст. Владевшие большим пакетом акций имели два или три голоса, а держатели акций на 10000 ф. ст. – 4 голоса, что было максимумом¹. В 1799 г. было 18024 «квалифицированных» выборщиков. Из них почти 14000 жили в Лондоне или в его окрестностях. Из 49 собственников – держателей акций более чем на 10 тыс. ф. ст. 46 жили в Лондоне или его окрестностях. На собраниях Совета собственников обычно присутствовали 400–500, а в наиболее важных случаях более 1000 членов.

Один современник (Монтефиоре) так описывает Совет директоров: «Он состоит из 24 директоров, включая председателя и его помощника, которые переизбираются в порядке ротации ежегодно по 6 человек на 4 года. Собрания Совета проводятся, по меньшей мере, раз в неделю, но обычно чаще, по мере необходимости. Из числа членов избираются различные комиссии, ответственные за определенные направления деятельности Компании, например, комиссии корреспонденции, закупок, финансов, складов, судоходства и т. п.»².

Каждый директор служил 4 года, 6 ежегодно уходили в отставку и не могли быть выбраны в течение года. Эта система имела целью не допустить превращения директорства в профессию. Но она не достигла своей цели. Должность директора

¹ *Parkinson C. N.* Trade in the Eastern Seas. 1793–1813. – L., 1966. – P. 11.

² Там же.

постепенно становилась наследственной. В списках директоров 1780 и 1800 гг. обнаруживаются одни и те же имена¹.

Кроме того, один и тот же человек мог оставаться директором в течение многих лет. Так 9 человек, бывшие директорами в 1802 г., все еще оставались ими в 1810 г. Чарльз Грант, впервые избранный председателем Совета директоров в 1794 г., занимал эту должность и в 1805–1806, в 1809–1810 гг. и снова в 1815–1816 гг. Он был председателем Совета директоров почти всю свою жизнь после возвращения из Индии².

Выборы в Совет директоров и, особенно выборы председателя всегда сопровождались горячими спорами и интригами. Почти все кандидаты были богатыми горожанами, банкирами и т. п. Некоторые нажили состояния в Индии. Как правило, они имели дома в престижных районах Лондона. Некоторые из директоров были членами парламента. Так в 1809 г. парламентариями были 8 директоров и экс-директоров. Обычно Совет директоров включал 4 или 5 членов Палаты общин. Эти люди, которые делили свою энергию между Лиденхолл-стрит (там находилась штаб-квартира ОИК) и Вестминстером, обычно селились в центре Лондона на полпути между ними. Интересы правительства тесно переплетались и смыкались с интересами ОИК, поэтому нет ничего удивительного в том, что правительство оказывало значительное влияние на выборы в Совет директоров. Когда кандидатура Чарльза Гранта впервые была выдвинута на пост председателя, это было сделано по предложению Дандэса³ и при поддержке Питта.

¹ Ibid., p. 12.

² Ibidem.

³ Дандэс Генри (1742–1811 гг.) – шотландец, занимавший ряд правительственных постов в Великобритании, в том числе председателя

Эта поддержка правительства определила тогда исход выборов.

Директора получали скромное жалование в 300 ф. ст. в год, но имели скрытые источники доходов. Дело в том, что директор имел право назначать служащих Компании и, следовательно, имел возможность получать крупные взятки. Были должности в Компании, за которые платили от 4000 до 6000 ф. ст. в год. Пост представителя ОИК в Кантоне, на который мог назначать кого-либо только председатель Совета, по слухам, оплачивался в 20000 ф. ст. в год. Разумеется, на самые высокооплачиваемые должности назначались родственники губернаторов. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что продажа должностей в ОИК была легким способом обогащения ее директоров.

В 1809 г. парламентская комиссия обнаружила, что один из директоров ОИК в течение трех предыдущих лет отдал три корабля Компании своему родственнику, который их продал. Уличенный в этом, этот директор не был переизбран. В 1810 г. Совет собственников решил, что «16 молодых джентльменов, которые получили свои посты с помощью взяток, должны быть уволены».

С 1784 г. по 1834 г. в ОИК было 110 директоров, половина из которых жила в Индии. Самой важной комиссией Совета директоров, во всяком случае, в том, что касалось политического управления Индией, была Секретная комиссия (СК). Эта комиссия директоров, возникшая в 1784 г. и просущество-

контрольного департамента по Индии (1784—1801 гг.), военного министра (1794—1801 гг.), первого лорда Адмиралтейства (1804—1805 гг.). Дандэс был «правой рукой» и близким другом премьер-министра Уильяма Питта младшего.

вавшая долго, была ключевой структурой в механизме управления ОИК. Историк П. Аубер, занимавший важные посты в ОИК с 1818 по 1836 гг., отмечает, что некий прообраз СК возник еще в 1748 г.¹ В действительности он возник даже раньше — в 1683 г.

В те времена эта комиссия назначалась Советом директоров из 3–4 своих членов *ad hoc* для рассмотрения срочных политических вопросов, которые могли быть быстро и эффективно решены маленькой группой лиц. Так во времена войны с Людовиком XIV этой комиссии было поручено составлять секретные инструкции для командиров судов ОИК, следовавших в Индию и Китай². Полномочия этой комиссии ежегодно обновлялись, и в апреле 1741 г. она впервые появилась в списке комиссий Совета директоров ОИК.

После начала войны за австрийское наследство СК была уполномочена отдавать приказы «о безопасности судоходства Компании и поселений», и, исполняя эти обязанности, она регулярно переписывалась с министрами. В депеше Совета директоров от 2 декабря 1748 г. говорилось: «Теперь, когда война окончилась, только СК будет отдавать распоряжения о сигналах судов»³.

С 1684 по 1781 гг. СК исполняла самые различные обязанности: во время войны она руководила военно-морскими и сухопутными военными операциями Компании, вела переговоры

¹ *Auber P.* Analysis Constitution of the East India Company. — London, 1826. — Vol. 1. — P. 188.

² *Philips C. H.* The East India Company. 1784–1834. — Manchester, 1940. — P. 9.

³ *Dodwell H. H.* Calendar of Madras Dispatches. — Madras, 1920. — P. 74.

с индийскими правителями, представляла Совет директоров на встречах европейских монархов, например, участвовала в переговорах о Парижском договоре 1763 г.

В 1781 г. английский министр иностранных дел послал две секретные депеши в Индию через эту комиссию. Этот прецедент и очевидная полезность такой маленькой комиссии, через которую легче было решать вопросы, чем через Совет директоров, вероятно, натолкнули Уильяма Питта Младшего (премьер-министра Великобритании в 1783–1801 гг. и 1804–1806 гг.) и Генри Дандэса на мысль учредить в 1784 г. постоянно действовавшую Секретную Комиссию (СК), состоявшую из трех директоров, через которую правительство могло бы отправлять депеши в Индию¹. В том же году так называемым Индийским Актом Питта был учрежден Контрольный Департамент (КД) для надзора над ОИК. Согласно этому акту, Совет собственников не мог наложить вето на предложение, внесенное директорами и одобренное КД. Во главе КД был поставлен Генри Дандэс.

Полномочия, предоставленные СК Индийским Актом Питта, были очень узкими: она должна была стать просто-напросто обычным каналом, через который шли депеши от КД к правительствам в Индии. Однако на практике СК часто составляла секретные депеши, особенно (но не исключительно) по вопросам торговли, в других случаях СК решительно протестовала против некоторых секретных депеш КД.

Когда во главе КД стоял Каствери, он расширил ее полномочия, а Тьерни в 1806–1807 гг. пошел так далеко, что передал

¹ *Dundas H. Letters to Court of Directors. — London, 1813.*

фактическое руководство КД в руки СК. В результате вплоть до 1829 г., когда тогдашний председатель Совета директоров Элленбороу интерпретировал полномочия СК строго в соответствии со статьями хартии ОИК, СК продолжала оказывать значительное влияние на выработку внешней политики правительства. Состоя из председателя, его заместителя и одного члена, он стал своего рода «кабинетом министров» ОИК, и к нему часто обращались премьер-министр и министры за консультациями по всем важным вопросам, связанным с индийским бизнесом¹.

Питт утверждал, что цель его Индийского Акта 1784 г. — «передать Короне полномочия по проведению политики в Индии, уменьшив, насколько возможно, влияние коррупционеров». В действительности же он передал патронаж над Британской Индией в руки директоров. Акт также поручал Совету директоров назначение на высшие посты в колониальной администрации в Индии, а именно генерал-губернатора, губернаторов и командующего армией (это назначение подлежало одобрению Короны), но на практике все эти назначения обычно проводились КД, и законное право директоров на эти назначения фактически свелось к праву вето². Директора на практике назначали только письмоводителей, гражданских служащих для колониальной администрации, сержантов и младших офицеров в индийскую армию.

В период с 1757 по 1784 гг. ОИК постепенно превратилась из преимущественно торговой в колониально-территориальную организацию. В то же время она стала синонимом ко-

¹ *Kaye J. W. Life, Henry St. George Tucker.* — London, 1854. — P. 295.

² *Parliamentary History. 3rd Series, Vol. XVIII.* — London, s. d. — P. 747.

лонииального грабежа и беспощадной эксплуатации коренного населения Индии.

Некоторые государственные деятели того времени предвидели, что, когда будет создана великая Британская империя, она будет управляться ОИК независимо от британского правительства.

Осознавая эту опасность, в ноябре 1783 г. парламентарии Фокс и Бэрк внесли два билля, имевшие целью создать некую структуру из 7 комиссионеров для контроля за делами ОИК. 3 декабря Фокс назвал имена этих комиссионеров и 9 их помощников. Все они были личными друзьями Фокса и верными сторонниками КД. Законопроекты Фокса и Бэрка натолкнулись на упорное сопротивление представителей ОИК, и в правительственных структурах, и в Вестминстере, поскольку они были расценены как попытка установить патронаж правительства над ОИК. В это время в высших правящих кругах Великобритании образовались две влиятельные группировки, отражавшие интересы разных слоев английской промышленной и торговой буржуазии:

1. так называемая «индийская группировка»,
2. «группировка судовладельцев».

В первую группировку входили главным образом так называемые «набобы» — богатые люди, вернувшиеся в Англию с солидными состояниями, нажитыми на Востоке. Они часто были членами парламента. Так в декабре 1765 г. места в парламенте имели 4 «набоба», в ноябре 1774 г. — 13, в ноябре 1783 г. — 18¹. Они имели сильные позиции и в Совете директоров ОИК.

¹ *Kaye J. W. Life, Sir John Malcolm. Vol. 2. — L., 1856, 91, 474.*

Вторая группировка состояла главным образом из тех, кто поднялся на высокие ступени социальной иерархии благодаря связям с руководством ОИК. Это были представители крупной и средней буржуазии, судовладельцы, капитаны кораблей, коммерсанты и банкиры. В ноябре 1783 г. 27 членов этой группировки имели места в парламенте, из них 21 поддерживали Фокса и 6 выступали против него¹.

В руководстве ОИК Фокса поддерживало лишь меньшинство, и дискуссия о биллях приняла там очень острый характер. Говорят, один из старейших членов Совета директоров Сэр Уильям Джеймс умер от шока, прочитав их текст. Из других 23 директоров 14 яростно возражали Фоксу, хотя остальные, включая председателя Генри Флетчера, поддерживали его².

Что касается Совета собственников, он обнаружил яростный и почти единодушный антагонизм к биллям³. Настрой в ОИК против них, в конце концов, достиг такого накала, что Флетчер был вынужден подать в отставку.

Тем не менее, несмотря на сопротивление руководства ОИК, билли Фокса были приняты Палатой общин значительным большинством голосов⁴.

В своей осторожной и короткой вступительной речи в Палате общин 25 февраля 1787 г. Питт потребовал, чтобы в билль были включены два положения:

¹ *Phillips C. H.* Op. cit., p. 24.

² *Auber P.* Op. cit., p. 68.

³ *Sheridan R. B.* Comparison Fox's and Pitt's India Bills. — London, 1788.

⁴ *Phillips C. H.* The East India Company interest and the English government, 1783–1784 — in “Royal Historical Society”. — London, 4th series, Vol. XX, s. d. — P. 87.

1. право короля посылать войска в Индию,
2. право правительства приказывать ОИК посылать войска и платить за их содержание¹.

Дандэс поддержал Питта. Неудачная попытка директоров провалить билль Фокса заставила их изменить тактику в отношениях с правительством, и большинство из них поспешило заключить мир с Дандэсом. В то же время внутренние разногласия вызвали многочисленные расколы в Совете директоров. Так, например, в мае 1789 г. Совет директоров был разделен, по меньшей мере, на 5 враждующих групп, ни одна из которых не располагала поддержкой более чем 6 членов. Ни один директор не желал переходить в оппозицию против Дандэса, так как это было абсолютно бесперспективно, учитывая, что большинство Совета искало дружбу с ним. В любом случае, сторонники Дандэса объединились бы, чтобы исключить оппозиционера из Совета директоров².

Однажды 4 директора осмелились выступить против назначения Дандэсом генерала Медоуса на пост губернатора Бомбея. Дандэс запомнил это и сказал Питту: «Что касается директоров, голосовавших против Медоуса, я надеюсь, мы будем считать их объектами мести», и при первой же представившейся возможности он настоял на исключении двух из них из СК³.

«Индийская группировка» в это время пережила раскол и разделилась на две группы: первая, состоявшая из 5 директоров, поддерживала Дандэса, а вторая из 4 членов была в оппозиции к нему.

¹ Parliamentary History. Vol. XXVII, p. 65, 25 Feb. 1788.

² *Philips C. H.* Op. cit., p. 61.

³ Ibidem.

«Группировка судовладельцев» оказалась сильнейшей партией в Совете директоров, но два ее ведущих члена – Девайнес и Баринг были злейшими врагами. Тем не менее, оба они подерживали Дандэса, и все члены этой группировки (их было 6) действовали аналогичным образом¹.

В начале 1789 г. вспыхнула ссора внутри группировки между так называемыми «горожанами» (предприниматели, коммерсанты, банкиры) и судовладельцами. Последние резко критиковали поддержку первыми предложения об уменьшении фрахтовых платежей за использование судов ОИК. С этого времени судовладельцы в Совете директоров всегда выступали против «горожан» и Дандэса².

В сложившихся обстоятельствах Дандэс стал активно вмешиваться во все сферы управления ОИК, включая торговлю. Директора не осмеливались ни в чем ему возразить. Когда Баринг был председателем Совета директоров (1792–1793 гг.), он не провел ни одного назначения на посты в Индии без предварительного одобрения кандидатуры Дандэсом. О том, что Дандэс в этот период добился полного контроля над ОИК, свидетельствует и скудость корреспонденции между правительством и Советом директоров: с 1789 г. по 1792 г. Совет отправил правительству всего лишь 12 официальных писем. Дело в том, что Дандэс создал систему решения большинства индийских проблем в ходе своих частных бесед с председателями Совета директоров. Так, например, все предварительные переговоры о возобновлении Хартии ОИК в 1793 г. были проведены именно таким путем. В парламенте также

¹ *Furber H. Dundas.* – Oxford, 1931.

² *Parliamentary History.* Vol. XXVII, p. 218.

в этот период выражалось мало беспокойства по поводу интересов ОИК¹.

К июню 1790 г., когда парламент был распущен, число представителей ОИК в нем составляло 66. После всеобщих выборов 1790 г. их стало 72 (из них 45 от «индийской группировки» и 27 от «группировки судовладельцев»). Из этих 72 Питт мог рассчитывать на поддержку 36, а Фокс — 26².

Хотя Дандэс в своих письмах настаивал на том, что Британская Индия должна управляться из Калькутты, и что функции лондонского правительства должны быть ограничены лишь функцией общего контроля, сам он обнаруживал постоянное стремление играть активную роль в проведении внешней политики ОИК.

К 1784 г. Индия находилась в состоянии «Броуновского движения», к которому она была низведена коллапсом Могольской империи. ОИК имела прочные позиции в Бенгалии, Бихаре, Мадрасе и в меньшей степени в Бомбее. Два из индийских государств — Оуд и Карнатик заключили союз с ОИК и по существу целиком зависели от военной поддержки своего союзника. В центральной Индии Хайдерабад вел постоянную неравную войну против соседей на севере и западе — маратхов, которые сплотились в сильнейшее политическое объединение в Индии. На юге Типу Султан, амбициозный сын и наследник Хайдера Али из Майсора, сдерживал натиск маратхов и стремился поглотить не только южные провинции, но также и Карнатик. ОИК в соответствии с договорами, заключенными с ма-

¹ *Elliot G. Life and Letters of sir Gilbert Elliot. 3 Vol. — London, 1874, Vol. III. — P. 83.*

² *Ibidem.*

ратхами и Майсором, обязалась оказывать всевозможную помощь обоим этим государствам против их врагов. Когда в 1785 г. разразилась война между маратхами и Типу Султаном, лондонское правительство проинструктировало генерал-губернатора Корнуоллиса перед отплытием в Индию «придерживаться мирной и оборонительной политики, основанной на «универсальном принципе», поскольку мы полностью удовлетворены теми владениями, которые уже имеем»¹.

В то же время правительство советовало генерал-губернатору, что, «если какая-либо европейская держава, в частности, Франция, встанет на чью-либо сторону в этой войне, ОИК должна автоматически занять другую». Дандэс ожидал союза Франции с Типу Султаном и был убежден, что в этом случае «нам необходим самый тесный союз с маратхами»².

В течение 1786–1787 гг. Питт и Дандэс получили информацию о французских планах поглощения голландских территорий и в Европе, и на Востоке. Правительство начало активно готовиться к войне. В июле 1787 г. Дандэс ожидал «активных военных операций в ближайшем будущем», и в том же месяце Кабинет решил послать 4 королевских полка в Индию³. Узнав, что губернатор Арчибалд Кэмпбелл собирается покинуть Мадрас в апреле 1789 г., Дандэс сказал Корнуоллису: «Мы согласны, что лучшие губернаторы Индии – это военные»⁴. Вскоре он убедил директоров назначить губернатором и главнокомандующим в Бомбее генерала Медоуса. 23 апреля 1793 г. Дандэс

¹ Цит. По *Philips C.H.* Op. cit., p. 66.

² *Ibidem.*

³ Cornwallis. Correspondence. 3 Vol. – London, 1859, Vol. I. – P. 392.

⁴ *Ibid.*, p. 526.

провел через Палату общин билль, по которому исключительные торговые привилегии ОИК были продлены на 20 лет¹.

В период с 1793 г. по 1801 г. Дандэс был слишком занят войной против Франции, чтобы осуществлять жесткий контроль над деятельностью директоров. Воспользовавшись этим, группа директоров, представлявшая «группировку судовладельцев», начала яростно критиковать стиль управления Дандэсом индийскими делами. Они возражали против чрезмерно большого влияния Дандэса в ОИК². В 1801 г. они сплотились в объединенную оппозицию, приобрели контроль над Советом директоров и серьезно нарушили сбалансированную и спокойную работу правительства метрополии. Эта затянувшаяся борьба возникла из-за разногласий в ОИК по вопросу о системе судоходства Компании.

Начиная, по крайней мере, с 1709 г. ОИК имела обыкновение сдавать внаем свои суда, которые строились особым образом с учетом длительности и опасности путешествий на Восток. Дизайн, размеры и стоимость этих судов делали их непригодными для использования в других торговых предприятиях (тоннаж этих судов в 1793 г. варьировался от 499 т до 1500 т, стоимость строительства и подготовки к плаваниям — от 30000 ф. ст. до 35000 ф. ст.³).

Каждое судно за время своей жизни обычно совершало 4 путешествия, и после этого собственнику разрешалось приобретать вместо него другое судно. Число судов, требующихся

¹ Parliamentary History. Vol. XXX, p.660, 23 Apr. 1793.

² East India House Debates, 1 March 1791. — London.

³ Parkinson C. N. Trade in the Eastern Seas, 1793—1813. — Cambridge, 1937. — P. 145.

Компании, таким образом, могло быть точно подсчитано, и эта система, фигурально называемая «системой наследственных кораблей», развивалась таким образом, что к 1770-м гг. маленькая группа лондонских капиталистов приобрела монополию на строительство судов для ОИК. Эти капиталисты стали использовать специальных агентов для наблюдения за строительством, сдачей внаем и менеджментом своих судов.

К 1784 г. на службе ОИК находилось приблизительно 70 судов, на строительство и подготовку которых было израсходовано более 2 млн ф. ст. В соответствии с «системой наследственных кораблей», капитан назначался командовать не только одним судном, но и «наследовавшими ему судами». Капитаны обычно сколачивали большие состояния благодаря своей привилегии на частную торговлю. Кроме того, они часто (хотя и нелегально) продавали свою капитанскую должность преемнику по цене, колебавшейся от 4 тыс. до 7 тыс. гиней¹.

Ядро «группировки судовладельцев» в ОИК состояло из самих судовладельцев, их агентов и капитанов — всех тех, кто инвестировал капитал в сохранение существующей системы. Чтобы усилить свои позиции, они создали организацию — Комиссию управляющих собственников, через которую они вели дела с ОИК. Самим судовладельцам законом 1710 г. было запрещено заседать в Совете директоров, но их агентам и капитанам это не запрещалось. Так, например, в мае 1784 г. в Совете директоров было три представителя «группировки судовладельцев», в мае 1795 г. — столько же. В Совете собственников в 1784 г. эта группировка располагала почти 200 голосами. Эта группировка, концентрировавшаяся в Лондоне и потому легко

¹ *Philips C. H.* Op. cit., p. 81.

мобилизуемая, оказывала значительное влияние благодаря многочисленности ее представителей, в частности, на выборы директоров¹.

До Американской революции существовавшая в ОИК система использования судов работала успешно и выполняла свою главную функцию – поставки и фрахта специального типа судов, предназначенных для плаваний на Восток. Однако в 1773 г. Комиссия управляющих собственников потребовала от ОИК повышения цены фрахта судов, плававших в Китай, до 21 ф. ст. за тонну. В 1776 г., когда началась Американская революция, цена фрахта была уже 24 ф. ст. за тонну, а в 1781 г. она уже достигла 47 ф. ст.²

Большинство директоров пыталось подорвать монополию «группировки судовладельцев» и заявило, что они принимают заявки (тендеры) на строительство новых судов. Было получено 28 тендеров, но все они оказались непригодными, и директора, в конце концов, были вынуждены пойти на компромисс с Комиссией управляющих собственников. В ходе этой борьбы, отражавшей столкновение интересов различных слоев британских капиталистов, выкристаллизовались две противоборствующие группы – «старые» и «новые» судовладельцы. В 1785 г. директора приняли заявку (тендер) от Джона Фиотта, одного из «новых судовладельцев», на строительство судна для ОИК. К несчастью, его судно потерпело кораблекрушение во время первого же своего путешествия. Имелось подозрение, что оно было построено наспех и некачественно. Во всяком случае, директора не разрешили Фиотту заменить его³.

¹ Ibidem.

² *Fiott J. Addresses on Shipping*, s. l., s. d. pp. 1–27; *Auber P. Op. cit.*, p. 648.

³ *Fiott J. Op. cit.*, pp. 1–27.

Скотт и другие лидеры «новых судовладельцев» убедили Совет собственников рекомендовать директорам установить «постоянную систему на принципах честной, умно регулируемой и открытой конкуренции». «Старые судовладельцы» отвергли это предложение и возражали против уже одобренного Дандэсом списка директоров, пытаясь исключить из него Скотта. Однако они потерпели поражение, не будучи в состоянии противостоять союзу Дандэса и большинства Совета директоров.

Через несколько месяцев «старые собственники» снова потерпели поражение, когда не смогли провалить на выборах в директора Чарльза Гранта, поддерживавшегося Дандэсом и Скоттом.

В марте 1794 г., когда в Совете директоров обсуждался ежегодный регламент судоходства, разгорелась бурная дискуссия, в ходе которой были внесены два предложения. Первое, на которое сразу согласились все партии, гласило: «Компании необходимо иметь определенное число кораблей, которые гарантировали бы ее функционирование». Второе предложение, против которого возражали Скотт, Грант и все «новые судовладельцы», гласило: «В связи с началом войны с Францией не имеет смысла устанавливать фиксированные, постоянные ставки фрахта судов»¹. Второе предложение по существу продолжало сложившуюся практику. Оно было принято, и «старые судовладельцы» тотчас же извлекли преимущество из своей победы, потребовав повышения ставок фрахта.

¹ *Fiott J.* Op. cit., p. 84.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОИК НА ВОСТОКЕ

В феврале 1601 г. ОИК отправила свою первую флотилию на Восток под командованием капитана Джеймса Ланкастера. Она состояла из флагмана «Дракон», и еще трех кораблей: «Гектор», «Сюзан» и «Вознесение». Этот флот вез слитки золота стоимостью в 28472 ф. ст. и товары стоимостью более 6860 ф. ст., в том числе сварочное железо, посуду, пистолеты и очки.

Ланкастер имел некоторое представление о цинге и поэтому взял с собой на борт лимонный сок (2 ложки в день), но капитаны других судов не предприняли таких мер предосторожности, что имело тяжелые последствия.

В июне 1602 г. этот флот прибыл в Ачех на Суматре. Местный султан доброжелательно встретил англичан, но они обнаружили, что позиции в этом регионе прочно захвачены голландцами. Их ГОК имела стартовый капитал 540 тыс. ф. ст. против всего лишь 68373 ф. ст. английской ОИК¹.

Потерпев неудачу в легальной торговле, Ланкастер решил заняться пиратством и захватил большой груз перца и индийских хлопчатобумажных тканей на португальском корабле. Позже он принял участие в местной торговле в Индийском океане, продавая на Яве и Суматре хлопчатобумажные раскрашенные ткани, изготовлявшиеся в Южной Индии.

По ряду причин Ланкастеру не удалось покупать перец в Ачехе, но он сумел создать торговую факторию (комбинацию форта и склада) в Бантаме на Яве. После тяжелейшего обратного путешествия Ланкастер, наконец, вернулся в Англию. Он

¹ *Amin Essa Mohammed. The History of the East India Company – “Hadeeth ad-Dar” (Kuwait), Vol. 16, 2003, p. 24.*

надеялся получить хорошую прибыль от продажи перца, который он привез с собой. Но его ждало горькое разочарование. К несчастью для него, незадолго до этого английские пираты захватили каррак, наполненный перцем, вследствие чего лондонский рынок был переполнен, и цена драматически упала. С инвесторами расплачивались мешками перца вместо наличных.

Тем не менее, перец оставался главным предметом торговли ОИК на протяжении нескольких веков, а фактории в Бантаме на Яве и позднее в Бенкулене на Суматре бесперебойно снабжали ее перцем. В конце концов, ОИК получила доступ к тому, о чем она только мечтала, когда начинала торговлю с Южной Индией и Цейлоном, а именно – к источнику корицы.¹

После того, как ОИК потерпела неудачу на Островах пряностей, она стала думать об освоении других рынков в Индийском океане. Было известно о существовании активной торговли между Суратом и Гуджаратом, а также вдоль побережья Аравийского моря и Красного моря.

31 декабря 1606 г. Совет директоров ОИК обсуждал возможность получения рекомендательных писем от Джеймса I к тогдашнему турецкому губернатору Адена. Командование экспедицией было возложено на Уильяма Килинга и Уильяма Хоукинса, которого ценили за то, что он бегло говорил по-турецки.

Килинг отплыл в Бантгу, а Хоукинс на «Гекторе» — в Сурат. Бросив якорь неподалеку от этого порта, Хоукинс вскоре обнаружил два препятствия для торговли: коррумпированных могольских и португальских чиновников.

Хотя Португалия теоретически находилась в мире с Англией, она поспешила разрушить планы ОИК, захватив в Сурате ее

¹ Ibid., p. 24.

судно с экипажем и доставив их на Гоа. Вскоре «Гектор» отплыл в Бантам, оставив в Сурате Хоукинса и его друга Уильяма Финча. Хоукинс нанял охрану и, оставив ее и Финча присматривать за их товарами в Сурате, отправился в столицу Империи Моголов Агру, где произвел неизгладимое впечатление на императора Джахангира своим беглым турецким и, как казалось, неограниченной способностью по части выпивки. В результате Хоукинс стал любимым советником Джахангира, который нашел ему жену-армянку и назначил командующим войска из 400 кавалеристов с титулом хана и высоким жалованием.

Хоукинс, однако, не смог получить от Джахангира концессию на торговлю и умер на обратном пути в Англию. В 1615 г. Джеймс I отправил сэра Томаса Роэ с поручением наладить торговлю между ОИК и Индией. Пробыв три года в качестве посланника ОИК при дворе Великого Могола Джахангира, Томас Роэ так и не смог добиться монопольного права ОИК, хотя и получил разрешение на торговлю. Роэ уверял директоров ОИК, что «война и торговля несовместимы», обращая внимание на конфронтацию между англичанами и португальцами в Сурате и Южной Индии.

В 1619 г. англичане и голландцы подписали договор о союзе против португальцев. Этот договор закрепил превосходство ГОК над ОИК в Индонезии и на Малайском полуострове. Однако союз между Англией и Нидерландами оказался недолговечным.

В 1623 г. отношения между англичанами и голландцами стали очень напряженными после так называемой «Амбоинской резни». Это название получил инцидент, резко обостривший англо-голландские отношения. Он был связан с тем, что,

несмотря на договор между двумя странами, разрешивший англичанам торговать на острове Амбоина (на южных Молуккских островах), голландский губернатор Ван Спелт приказал арестовать весь персонал расположенной на острове британской фактории по абсурдному сфабрикованному обвинению в попытке внезапно захватить голландский форт. 18 арестованных англичан были подвергнуты пыткам, 12 из них были казнены. Двое помилованных вывезли из Амбоина все достояние фактории – это и было целью провокации. «Амбоинская резня» ликвидировала последнюю опорную точку англичан на Молукках. Попытки ОИК восстановить свою факторию в Бантене удалась лишь в 1627 г.¹

В 1628 г. англичане, напуганные «Амбоинской резней», закрыли свою факторию в Батавии. С этого времени, хотя они и имели фактории в Макассаре до 1667 г. и в Бантаме до 1685 г., англичане лишились своих основных баз в Индонезии, и стало ясно, что борьба за господство над этим архипелагом окончательно завершилась в пользу Голландии. Поэтому англичане переключили свое внимание с Индонезии на Индию, где позиции Голландии были не столь сильны².

Отделение Португалии от Испании в 1640 г. облегчило ее примирение с Англией, и мир был окончательно заключен, когда Португалия признала право англичан на свободную торговлю в Азии (1654 г.). Отныне и для Англии, и для Португалии врагом номер один стала Голландия.

Англичане очень медленно и постепенно стали вытеснять португальцев из Индии. В течение ряда лет шла массированная

¹ Бандиленко Г. Г. и др. Цит. Соч. – С. 180.

² Toussant A. Op. cit., p. 123.

экспансия их торговых операций на этом субконтиненте. Многочисленные торговые посты были учреждены вдоль восточного и западного побережий Индии, и многочисленные английские общины возникли вокруг трех крупных городов — Калькутты, Бомбея и Мадраса¹.

На западном побережье только после приобретения Бомбея (1661 г.), полученного Англией как часть приданого Катарины Браганса при замужестве с Карлом II и уступленного ОИК (1688 г.), англичане обеспечили себе хорошую базу для военных и торговых операций. В 1687 г. Бомбей окончательно оттеснил на второй план их первый торговый пост Сурат на западном побережье.

На восточном побережье англичане уступили Масулипатам в 1626 г., обменяв его на Армагаон, но поскольку это поселение было расположено очень близко к голландскому торговому посту Пуликат, они вскоре вынуждены были покинуть и его. В 1639 г. они, наконец, получили от правителя государства Виджайанагар концессию на Мадрас. Там они построили форт Св. Георгия, который стал их главной базой на Коромандельском побережье.

К северу от Бенгальского залива они предприняли успешные попытки обосноваться а Харихарпуре, Баласоре, Хугли, Патне и Кассимбазаре, но вплоть до XVII в. они не могли приобрести плацдарм в Бенгальском регионе².

В 1717 г. ОИК добилась самого значительного за всю свою историю успеха — получила фирман, или королевскую лицензию от Могольского императора, освобождавшую компанию

¹ *Amin E. M.* Op. cit., p. 24.

² *Toussant A.* Op. cit., p. 124.

от уплаты таможенных пошлин в Бенгалии. Однако, в течение всей первой половины XVIII в. положение ОИК в Индии оставалось еще весьма непрочным. Ее надежды на возможность массового сбыта льняных тканей и других английских товаров на индийских рынках не оправдались. Напротив, англичане вынуждены были покупать у индийцев текстильные изделия, чтобы обменивать их на специи.

Новые возможности для своего обогащения и превращения из торгового в военно-политическое учреждение открылись перед ОИК, когда один из ее офицеров Роберт Клайв разгромил войска наваба Бенгалии Сиража Уд Даулаха в битве при Плесси в 1757 г. Через несколько лет ОИК получила право собирать налоги от имени Могольского императора.

На протяжении XVIII в. ОИК постепенно превратилась в государственную организацию по эксплуатации английских владений в Азии, прежде всего в Индии. Она имела собственную армию (сипаев) и аппарат колониального управления. Уже первые годы ее администрации были губительными для народа Бенгалии. Служащие Компании были, как правило, аморальными и алчными людьми, и безудержное расхищение и разграбление богатств Бенгалии оставили прежде богатую провинцию в состоянии крайней нищеты.

Голод 1769–1770 гг. усугубил положение и унес, вероятно, жизни трети ее населения. ОИК, несмотря на бурный рост торговых прибылей и доходов из других источников, оказалась задавленной бременем военных расходов и ее гибель казалась неминуемой¹.

¹ *Amin E. M. Op. cit.*, p. 25.

Однако государственное вмешательство снова поставило ОИК на ноги. Билль об Индии лорда Норта, известный также как Акт об управлении 1773 г., установил больший парламентский контроль над деятельностью ОИК, а также поставил Индию под управление генерал-губернатора. Первым генерал-губернатором Индии стал Уоррен Хастингс, который с юных лет служил в ОИК. Он твердо усвоил, что его главная задача — всеми мерами повышать прибыли Компании. Став генерал-губернатором Бенгалии, Хастингс урезал пенсии навабу Бенгалии и Великому Моголу Шаху Аламу II и предпринял ряд других действий, зарекомендовав себя как верный слуга Компании¹.

В Бенгальском совете Хастингса поддерживал Бенгальский служащий ОИК Баруэлл, остальные же трое членов Бенгальского совета, прибывшие из Англии, — лорд Клевринг, полковник Г. Монсон и Ф. Фрэнсис считали себя представителями не ОИК, а Короны. Они добивались отставки Хастингса, объявляли его действия неправильными, выступали за передачу власти лорду Клеврингу. Это было отражением борьбы, происходившей в то время в Англии между Компанией и теми кругами английской буржуазии, которые жаждали большего участия в индийских прибылях².

Разногласия в Бенгальском совете стали известны жителям Калькутты, и многие жертвы вымогательства Хастингса подали на него жалобы. Однако Хастингс с помощью своего школьного товарища — главного судьи Импея, добился приговора к смертной казни главного жалобщика — богатого брахмана Нанда

¹ Антонова К. А. и др. Цит. соч. — С. 261.

² Антонова К. А. и др. Цит. соч. — С. 261.

Кумара, которому инкриминировали подлог. После публичной казни Нанда Кумара всякие жалобы на Хастингса прекратились. В 1777 г. умер полковник Монсон, а вскоре и лорд Клевринг, и Хастингс стал полновластным правителем Бенгалии. В его правление британская экспансия в Индии была энергично продолжена. Хастингс оставался в Индии до 1784 г., его сменил Корнуоллис, который начал политику создания постоянных поселений, соглашение о чем было достигнуто с заминдарами (крупными землевладельцами). В течение следующих 50 лет англичане были заняты попытками уничтожить индийских соперников и, наконец, в период генерал-губернаторства Уэллесли была достигнута их главная цель — колониальная оккупация Индии.

В результате войны англичан с индийским феодальным княжеством Майсор (1790–1792 гг.) к ОИК и ее союзникам отошла половина территории Майсора. В 1793 г. Корнуоллис издал закон, по которому почти вся земля в Бенгале, Бихаре и Ориссе была объявлена частной собственностью откупщиков (заминдаров). Этот закон дал заминдарам неограниченные феодальные права. Кроме ренты они могли облагать крестьян всевозможными налогами и повинностями. Поскольку из-за нищеты крестьян заминдары не могли собирать с них суммы, достаточные для покрытия своих расходов, их земли распродавались с аукциона за невзнос налогов и скупались агентами ОИК.

В центральной Индии, завоеванной ОИК в войнах с маратхами, и выделенных в Верхние провинции в составе Бенгальского президентства (ныне Уттар Прадеш и Мадхья Прадеш) была введена система «маузавар» («малгузари»).

Хартия ОИК возобновлялась примерно каждые 10 лет. Это сопровождалось острой политической борьбой в Англии. В 1773 г. парламент впервые вмешался в дела ОИК, издав Акт об управлении Индией, согласно которому не ОИК, а Корона назначала генерал-губернатора. За 15 лет (1813–1828 гг.) ввоз мануфактуры в Индию увеличился в 4 раза, ввоз пряжи увеличился еще стремительнее. В обратные рейсы суда ОИК брали хлопок, шелк-сырец, индиго и сахар из Мадраса, Бомбея и Калькутты. Индия превратилась в рынок сбыта и источник сырья для Англии.

В начале XIX в. к владениям ОИК были присоединены Карнатик, Танжор и ряд более мелких княжеств. В это время достигла полного развития система субсидиарных договоров. Индийские князья становились вассалами ОИК на разнообразных условиях протектората и подчинения (отказ от дипломатических сношений с другими государствами, уплата дани ОИК, размещение ее войск на территории княжества и др.).

Сетью этих кабальных договоров были охвачены все крупные индийские княжества. Став фактическим хозяином Индии, ОИК формально действовала от имени Великого Могола, чтобы придать видимость законности своей власти. В 1813 г. английский парламент отменил монополию ОИК на торговлю с Индией. Индия начала превращаться в колонию не ОИК, а всей английской буржуазии. Были учреждены три президентства – Бенгалия, Мадрас и Бомбей. В каждом из них была отдельная армия. Губернаторы Бомбея и Мадраса могли издавать законы и часто действовали независимо от генерал-губернатора в Калькутте.

Важным элементом колониального аппарата управления была Сипайская армия. С её помощью англичане завоевали Индию. После третьей англо-маратхской войны 1817–1819 гг. в Индии 30 лет не было войн, но сипаи выполняли полицейские функции.

В двадцатых годах XIX в. ОИК ввела в Центральной и Южной Индии систему райотвари (бессрочная крестьянская аренда). Раджи, ленники, откупщики были лишены земельных владений и права сбора поземельного налога. Земли деревенских общин ОИК присвоила себе. Пахотные и усадебные земли были предоставлены в бессрочную аренду крестьянам, которые были обложены рентой-налогом.

В 1833 г. Парламент принял акт, ликвидировавший ОИК как торговую организацию. Однако ее пайщикам были гарантированы доходы за счет индийских налогов. ОИК пыталась восстановить свой престиж путём завершения завоевания Индии. В 1843 г. был аннексирован Синд, в 1846 г. – Пенджаб. Княжества Джамму и Кашмир признали себя вассалами ОИК.

Во время восстания сипаев (1857–1859 гг.) все учреждения ОИК в Дели были сожжены. 1 ноября 1858 г. Королева Виктория опубликовала манифест, объявивший о переходе управления Индией к английской короне и о ликвидации ОИК. За счет индийских налогов ее пайщикам была выплачена компенсация в размере 3 млн ф. ст. Индия стала колонией британского правительства, которое теперь стало само назначать весь состав колониальных властей.

Особо следует остановиться на вопросе о торговле ОИК чаем и кофе. Еще в 1579 г. были получены сведения о потенциальной выгоде торговли кофе. О неизвестном до этого

времени в Европе кофе там впервые стало известно из предоставленной картографом Ричардом Хэклойтом информации, которая была получена из порта Моха в Аравии. После этого в Моха был отправлен корабль «Вознесение» под командованием Джона Джурдэйна. После ознакомления с кофейными плантациями он составил восторженное описание культивации и вкусовых качеств кофе, в котором пришел к выводу, что «кофе – великий товар, который везут в Каир и другие места Османской империи, а также в Индию»¹.

Дж. Джурдэйн добился разрешения от турецкого паши в Сана на торговлю с Мохой. В 1609 г. Совет директоров ОИК направил в Моху три корабля под командованием сэра Генри Миддлтона. Прибытие их в Моху в октябре 1609 г. окончилось столкновением между Миддлтоном и местным турецким чиновником. Миддлтон был арестован, закован в кандалы и отправлен в Сана. Он был принужден пообещать, что не будет вмешиваться в торговлю Мохи. Но после того как Миддлтон был доставлен обратно в Моху, он ухитрился улизнуть со своими кораблями в Сурат. Оттуда он вернулся в Моху, чтобы взять реванш и конфисковал товары 15 гуджаратских торговых судов, ожидавших разрешения на заход в порт. Потребовалось дипломатическое искусство сэра Томаса Роэ для того, чтобы после этого инцидента восстановить добрые отношения ОИК с Могольским двором.

В 1619 г., назначив постоянного агента в Мохе, ОИК занялась широкомасштабной торговлей кофе.

Следует отметить, что в начале XVIII в. предприимчивые голландцы вывезли кофейные деревья из Аравии в свои коло-

¹ *Amin E. M. Op. cit.*, p. 26.

нии в Юго-Восточной Азии, создав там большие кофейные плантации. С этого времени торговля кофе стала одним из главных видов деятельности ГОК¹.

В 1613 г. ОИК поручила Джону Сарису принять командование судном, которое должно было пройти из Бантена в Японию с целью учреждения там фактории. В том же году Сарис прибыл в Хирадо, а затем в Эдо (Токио). Учредив английскую факторию в Хирадо и оставив там своих помощников Адамса и Кокса, Сарис отплыл из Японии. Спустя два года в 1615 г. в английском языке появилось слово «чай»².

Английский фактор Уикхэм в письме другу Итону в Хирадо просил его купить «горшочек лучшего чая в Меако» – место, где выращивали чай для сегуна. Судя по всему, обычай чаепития распространился среди англичан за 50 лет до свадьбы Катарины Браганса и Карла II.

Чай не был изначально целью торговли ОИК с Китаем, но быстро приобрёл огромное значение и с середины XVIII в. стал важнейшей статьёй торговли. Китай с древних времен был известен как источник различных экзотических товаров и предметов роскоши, и ОИК давно мечтала наладить с ним торговлю.

За первым путешествием корабля ОИК в Китай в 1637 г. последовал позже визит судна под командованием Джона Уэддэлла. Однако ни один визит английских торговых кораблей в Китай не был успешным. Маньчжурский император открыл свои порты для иностранных торговцев лишь в 1685 г., когда в Амои был учрежден первый торговый пост ОИК.

¹ Ibid, p. 27.

² Amin E. M. Op. cit., p. 27.

С распространением торговли чаем в конце XVII в. самым удобным портом для этого оказался Кантон.

В 1793 г. Лорд Маккартни возглавил миссию в Пекин и посетил дворец китайского императора. Он изучил китайское искусство выращивания чая и даже назвал один из сортов в честь премьер-министра Грея¹.

¹ Ibid, p. 27.

Глава VI

ФРАНЦУЗЫ И АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ВОЙНЫ В ИНДИЙСКОМ ОКЕАНЕ

Первым французским путешествием в Восточные Индии было путешествие братьев Парментьер в 1521 г.

В начале XVII в. два бретонских авантюриста Мартин и Пирар совершили плавание на Восток, описание которого Мартин опубликовал в 1601 г. В 1604 г. была создана первая французская торговая компания в Сэнт-Мало (Бретань), названная «Компани де Молукк». В 1616 г. эта компания отправила торговый флот на Яву, но голландцы никого не подпускали к этому острову, и французам пришлось вернуться с пустыми руками¹.

Тогда французы обратили свой взор на Маскаренские острова и Мадагаскар, который был исследован Марином, Пираром и другими авантюристами, побывавшими там в начале XVII в. в поисках эбенового дерева.

В 1638 г. экспедиция, посланная чтобы оккупировать Маскаренские острова, обнаружила обосновавшихся на Маврикий голландцев и вынуждена была довольствоваться островом Бурбон (Реюньон), который был большим по размерам и более плодородным, но не имел удобных стоянок. В 1642 г. по настоянию кардинала Ришелье было создано «Сосьете де л'Ориент о де Мадагаскар». Его целью была оккупация Мадагаскара, который мало что мог предложить по части ресурсов, но зато мог служить трамплином на пути к Индиям. В 1643 г. на юге

¹ *Toussant A. Op. cit., p. 125.*

острова было создано поселение в Форт-Дофине, но из-за некомпетентного руководства оно вскоре пришло в упадок. С 1648 по 1660 г. Флакур пытался возродить его. Но нападение на него аборигенов и последовавшая за этим кровавая резня положили конец поселению Форт-Дофин. Оставшиеся в живых французы бежали на Бурбон, но и эта колония вынуждена была владеть жалкое существование вплоть до начала XVIII в.¹

В 1664 г. Кольбер создал первую хорошо организованную Ост-Индскую компанию — «Компани дез Инд ориенталь». На этот раз целью была не Индонезия и не Мадагаскар, а сама Индия.

Компания Кольбера также отличалась от своих предшественников выбором пути на Восток. Впервые был испробован сухопутный путь через Левант, а агенты компании были отправлены в Персию. С подобной идеей философ Лейбниц обратился к Людовику XIV в 1672 г., предложив ему план завоевания Египта, который открыл бы для Франции путь через Красное море. Фантастический с первого взгляда, этот план был тогда практически осуществимым, но Людовика XIV тогда интересовал Рейн, а не Красное море, и поэтому он отверг предложение Лейбница. В конце концов, французы отдали предпочтение пути вокруг Африки.

В 1668 г. была открыта первая французская торговая фактория в Индии, в Сурате — тогдашнем крупнейшем рынке западного побережья субконтинента. Позже французы завоевали ряд территорий в Индии.

Французская Ост-Индская компания (ФОК), созданная Кольбером, получила огромные права: она получила в своё

¹ *Toussant A. Op. cit.*, p. 126.

безраздельное пользование завоёванными ею территориями, могла вершить суд и расправу над всеми жителями своих владений, имела право объявлять войну и заключать мир.

Французское правительство обещало защищать компанию от всех врагов и охранять ее корабли. Однако в течение XVII и XVIII вв. Компания носила черты феодальной регламентации: король, генеральный контролер, торговая палата, министр колоний и флота – все вмешивались в дела компании, отдавая распоряжения, что мешало ей нормально функционировать.

Во главе ФОК стоял совет директоров, часть которых назначалась правительством. Фактически делами вершили назначенные правительством генеральный контролёр и его помощник – специальный комиссар. Главными пайщиками были придворные фавориты, а их ставленники управляли владениями компании, командовали ее армией и флотом. Непрерывные ссоры и дразги процветали как среди директоров, так и между правлением и вкладчиками. Дела ФОК велись хаотически, и взяточничество было широко распространено среди служащих как в Индии, так и во Франции¹.

ФОК посылала из Сурата экспедиции в Персидский залив, чтобы попытаться открыть караванный путь от Багдада до Алеппо в Сирии. Но руководивший этими операциями Карон хотел большего и вместо того, чтобы «прицепляться» к Персидскому заливу, он предложил ФОК основывать торговые фактории на побережье Бенгальского залива, на Цейлоне, в Индонезии и даже в Китае и Японии.

В 1672 г. Карон попытался силой захватить порт Тринкомали на Цейлоне с помощью первой французской эскадры,

¹ Антонова К. А. и др. Цит. соч. – С. 252.

присланной в Восточные Индии под командованием Хайе. Получив отпор от голландцев, французы сумели основать поселение в Пондишери на Коромандельском побережье Индии, где оставшиеся в живых от экспедиции Карона нашли убежище и организовали колонию во главе с Франсуа Мартином.

В 1688 г. Пондишери был окончательно уступлен Французской Ост-Индской Компании (ФОК) императором Аурангзебом¹. В XVIII в. Дюпле пытался сделать его плацдармом для завоевания Южной Индии.

Вторым по значению для французов городом был приобретенный в Бенгалии в 1673 г. Шандернагор (по-индийски – Чандранагар) – основное место, где складывались бенгальские ткани до прихода кораблей из Франции².

ФОК в XVIII в. вела торговлю в значительно меньших размерах, чем ОИК. Основным предметом ее вывоза во Францию были хлопчатобумажные и особенно шелковые ткани, закупленные на юге Индии. Французское правительство не придавало значения своим восточным владениям и торговле. Один министр Людовика XV говорил: «мы имеем колонии, которые я уступил бы за булавку, будь я королем Франции».

Приобретение французами города Шандернагора привело их к контактам с королем Сиам (Таиланда). Стремясь приобрести союзников против голландцев, он предложил Франции купить у него Бангкок и Мергуи. Это была великолепная возможность для французов получить плацдарм в Юго-Восточной Азии, хотя сам Сиам не представлял большого интереса с точки зрения ресурсов. Однако всё это предприятие было столь

¹ *Toussant A.* Op. cit., p. 126.

² *Антонова К. А. и др.* Цит. соч. – С. 252.

плохо организовано, что уже в 1688 г. французам пришлось уйти из Бангкока и Мергуи¹.

К концу XVII в. французы не добились заметных успехов в Индийском океане. Как и англичане, там они не преуспели в сбыте каких-либо товаров. Более того, хлопчатобумажные ткани, импортируемые из Индии, оказались столь серьезными конкурентами продуктов промышленности метрополии, что по требованию владельцев французских текстильных фабрик их импорт был запрещен в 1685 г.²

Однако в начале XVIII в. Франция стала проявлять всё больший интерес к району Индийского океана. В 1735 г. французы во главе с губернатором Маврикия Б. Ф. Бурдоннэ превратили Порт-Луи в свою главную военно-морскую базу, расположенную на полпути между Мысом Доброй Надежды и Индией. Англичане в это время не имели такой базы между Атлантикой и их опорными пунктами на Малабарском и Коромандельском побережьях Индии³.

Войны, происходившие между Францией и Англией на протяжении XVIII – начала XIX вв., определили исход борьбы, которую вели эти две державы за контроль над Индией и окружающим ее океаном. Правильнее сказать, что исход этих войн в действительности решался на европейском театре военных действий и в морских сражениях в Атлантике. Соотношение сил в Европе и в Атлантике в некоторых случаях определяло и изменения в балансе сухопутных и военно-морских сил в Индии и вокруг неё.

¹ *Toussant A. Op.cit., p. 127*

² *Ibid., p. 127.*

³ *Vali Florenc. Op. cit., p. 11*

Во время войны за австрийское наследство (1740–1748 гг.) губернатор Пондишери Ж. Ф. Дюпле предпринял попытку установить французский контроль над всей Индией. С помощью своих индийских союзников он пытался выбить англичан из Мадраса — их штаб-квартиры на восточном побережье Индии. Ему оказал сопротивление Роберт Клайв. Дюпле потерпел поражение, и непрочный мир оставил франко-британский баланс неизменным¹. В 1756 г. началась Семилетняя война. В Индии борьба сконцентрировалась на северо-востоке, где Наваб Бенгалии, союзник Франции, захватил центр британской торговли Калькутту. Но Р. Клайв разгромил Наваба при Плесси (1757 г.), и Бенгалия стала первым большим территориальным владением ОИК. Как и в предыдущей войне, французам помешало почти полное отсутствие военно-морского флота. Победа англичан в морском сражении у Киберома дала им контроль над Атлантикой, а французские войска в Индии оказались по существу отрезанными от своей родины. По Парижскому договору 1763 г. Англия аннексировала Канаду, а французское влияние в Индии было в значительной степени ликвидировано².

В течение 15 лет мира, последовавших за Парижским договором, ОИК окончательно утвердила свой контроль над огромными территориями в Индии. В 1778 г. мир был прерван военными действиями между Англией и Францией, в ходе которых в следующем году Испания и Нидерланды выступили на стороне Франции. Британский и французский флоты вошли в Индийский океан.

¹ Ibid., p. 12

² Ibid., p. 12.

В Бенгальском заливе и вокруг Цейлона происходили морские сражения между французскими ВМС во главе с вице-адмиралом Андре де Суффреном и английскими ВМС под командованием вице-адмирала Эдварда Хьюгеса. Военно-морская база на Цейлоне Тринкомали, до того принадлежавшая голландцам, была взята англичанами, но отобрана у них Суффреном. На суше Пондишери был захвачен англичанами.

Мирный договор 1783 г., заключенный снова в Париже, восстановил в основном статус-кво, дав, однако, некоторые преимущества Лондону¹.

На Атлантическом театре военных действий Англии повезло меньше, поскольку ей пришлось признать независимость 13 американских колоний.

Следует напомнить, что с 1783 г. и вплоть до Второй мировой войны в Индийском океане больше не было ни одного крупного морского сражения и ни разу не происходило концентрации крупных военно-морских сил, за исключением периода русско-японской войны. В 1905 г. русский Балтийский флот пересёк океан в ходе своего неудачно закончившегося похода на Дальний Восток².

Франция не без основания рассматривала Индию как основу британского могущества, влияния и богатства. Несколько раз она предпринимала попытки подорвать эту основу. Египетская кампания Бонапарта была, в конечном счете, нацелена на Индию. В 1800 г. первый консул заручился обещанием Павла I относительно сухопутного вторжения в Индию, а в 1807 г. Александр I вел переговоры с Персией о переходе через её

¹ Ibidem.

² Alexander H. R. The Fleet that had to die. — London, 1958.

территорию французской армии. Но другие заботы, в частности, война на Пиренейском полуострове, помешали Наполеону осуществить эти химерические планы.

В начале войны с Францией Дандэс утверждал, что подкрепления из королевских войск, посланные в Индию, поражение, недавно нанесенное Типу Султану и прочное финансовое положение ОИК в Бенгалии, временно обеспечивают безопасность британских владений в Индии. Гораздо большую обеспокоенность Дандэса вызывала проблема обеспечения безопасности морского пути к Индии и Китаю. 20 декабря 1792 г., за 6 недель до начала войны между Францией и Англией, три члена Секретной комиссии (СК) ОИК направили Дандэсу меморандум, подчёркивая, что Компания оказалась в сложном положении. Они считали, что ввиду неизбежности войны с Францией необходимо создать систему конвоев, по крайней мере между Мысом Доброй Надежды и островом Св. Елены, чтобы охранять английские торговые суда от французских корсаров.

Дело в том, что захваченные французами в центре Индийского океана Маскаренские острова были базами, с которых французы вели войну против своих колониальных соперников. Французские корсары причиняли значительный ущерб англичанам во время наполеоновских войн.

Члены СК в своём меморандуме утверждали, что в самой Индии ОИК в состоянии обеспечить свою безопасность, и что единственная потенциальная опасность для англичан на Востоке может исходить от концентрации французских военных и военно-морских сил на французских островах Бурбон и Маврикий в Индийском океане, и что с этих островов Франция

может захватить слабо защищённые голландские владения на Востоке, в частности Цейлон и Мыс Доброй Надежды.

В этой связи СК высказывал мнение, что эти французские острова должны быть лишены снабжения продовольствием из Мыса Доброй Надежды, его безопасность должна быть обеспечена британским флотом, и что следует разработать план захвата французских островов¹.

Дандэс одобрил большинство из этих рекомендаций, но прошел почти год, прежде чем Контрольный департамент (КД) окончательно утвердил план захвата французских островов в Индийском океане. 15 ноября 1793 г. генерал-губернатор Индии отдал приказ послать эскадру и войско из 5000 человек под командованием генерала Медоуса для атаки и захвата островов, но вскоре из Лондона пришёл приказ отложить эту экспедицию². Лишь в 1810–1811 гг. Маскарены, главным островом которых был Маврикий, были захвачены англичанами. Сейшелы были оккупированы ими раньше (1794 г.) .

Особенно большое внимание КД уделял обороне Мыса Доброй Надежда, стратегическую важность которого в Лондоне понимали давно. Ещё во время Американской революции был разработан неудавшийся план его захвата, и по крайней мере с 1787 г. Дандэс рассматривал французские планы в отношении Мыса Доброй Надежды как потенциальную угрозу британским коммуникациям с Индией. В течение 1793 г. Дандэс вел переговоры с голландцами, в ходе которых выяснилось, что они готовы принять военно-морские, но не сухопутные британские силы для защиты Мыса.

¹ *Auber P.* Op. cit., p. 664.

² *Phillips C. H.* Op. cit., pp. 88–89.

В ноябре 1794 г. возникла опасность французской оккупации Голландии, и поэтому Дандэс послал эскадру к Кейптауну, который был оккупирован в сентябре 1795 г.¹

В 1796 г. голландские поселения на Цейлоне были захвачены английской эскадрой, посланной из Мадраса².

Дандэс, однако, уделял главное внимание войне в Европе и захвату Вест-Индских островов.

Когда в 1796 г. разразилась война с Испанией, выдвигались предложения послать военную экспедицию в Манилу, но правительство Бенгалии сочло за лучшее отложить это предприятие.

К июню 1798 г. Дандэс пришел к заключению, что целью Наполеона был Египет. Он стал утверждать, что Наполеон легко проникнет в Египет, и «избегая опасностей моря, которое — не его стихия, двинется через Алеппо, Евфрат и затем по пути Александра Македонского к Индии».

Дандэс приказал отправить в Индию 4000 солдат и выделил полмиллиона ф. ст. для найма судов³.

Он планировал британские посольства в Стамбул и в Санкт-Петербург. По совету Скотта он приказал бомбейскому чиновнику Гарфорду Джоунсу отправиться в Багдад и убедить тамошнего пашу сопротивляться французам на море и на суше. Наконец, в случае, если Наполеон попытается приблизиться к Индии морем, Дандэс приказал правительству в Бомбее захватить и укрепить остров Перим, который господствовал в Баб-эль-Мандебском проливе у южного входа в Красное

¹ Ibid., p.89.

² Furber H. Op.cit., p. 101.

³ Phillips C. H. Op. cit., p. 101.

море. Учитывая малочисленность британских военных кораблей в восточных морях, он также отправил из Англии военно-морскую эскадру под командованием адмирала Бланкета патрулировать этот пролив¹.

В это время отставной чиновник из Мадраса Джон Салливан сумел убедить Дандэса, что главную опасность для англичан в Индии представляла возможная совместная атака воинственного правителя Афганистана Заман-шаха и правителя Майсора Типу Султана – союзника французов. В этой связи Дандэс высказал мнение, что следует просить Россию побудить Персию начать войну против Заман-шаха, но один член правительства насмешливо заметил: «Такое предложение Петербургу ... только укрепит этот двор в убеждении, что мы будто бы зависим от него в том регионе, где природа защищает нас границами более непроницаемыми, чем «разъединяющий океан», о котором говорил Гораций». К досаде Дандэса, он посоветовал ему ознакомиться с крупномасштабной картой Азии².

Кабинет не пришёл ни к какому окончательному решению в отношении акции против Заман-шаха, но Дандэс был убежден, что Типу Султан должен быть разгромлен. Члены КД не согласились с ним.

На юге Индии англичанам пришлось столкнуться с умным и сильным противником – правителем Майсора Типу Султаном. В 1780 г., еще будучи наследником престола, он уничтожил четырехтысячное британское войско в Полилуре (около Канчипурам). В 1782 г. его отец умер, и в 1783 г. Типу стал правителем. У него была большая профессиональная, хорошо

¹ Ibid., p. 102.

² Ibidem.

обученная и хорошо вооруженная европейским оружием армия. Контроль над портами Малабара дал ему выход к морю и возможность вести оживленную торговлю перцем, специями и лошадьми со многими странами¹. Типу много лет успешно сопротивлялся английским войскам.

В июне 1798 г. Дандэс направил следующую инструкцию генерал-губернатору Индии Уэллесли: «Если Типу проводит приготовления военного характера, и если прокламация Типу, призывающая французов оказать ему помощь против британцев, действительно написана им самим, не ждите военных действий с его стороны, а атакуйте сами!»².

Победа Нельсона при Абукире в 1798 г. перерезала коммуникации Наполеона с Европой, а Уэллесли разрушил его планы в Индии.

Только в 1799 г., когда Типу Султан напал на покровительствуемое англичанами государство Траванкоре, генерал-губернатор Ричард Уэллесли двинулся против него с многочисленной армией и разгромил его. Типу вынужден был согласиться на унижительные условия мира: к англичанам отходила половина его территории и в качестве заложников — два его сына³. Таким образом, Южная Индия была включена во владения ОИК или превращена в вассальные государства англичан. В 1804 г. был взят Дели. Британская корона, представленная генерал-губернатором, провозгласила своё верховенство от имени Великого Могола, который к этому времени был не более, чем марионеткой в руках англичан.

¹ *Keay John. A History of India. — London, 2001. — P. 398.*

² *Ibid.*, pp. 102–103.

³ *Ibid.*, p. 400.

Когда Дандэс узнал о разгроме Типу Султана, он задумал атаку через Средиземное море против армии Наполеона в Египте и по совету Скотта и полковника Мэйтлэнда направил приказ Уэллесли об одновременной атаке из Индии. Уэллесли отправил большое войско в Египет, и это убедило французов в Александрии, что дальнейшая борьба бесполезна¹. План Наполеона установить контроль над сухопутным торговым путём из Европы в Индию провалился.

После смерти Типу Султана и пресечения посягательств французов Дандэс был убеждён, что единственной оставшейся угрозой Британской Индии была возможность союза между Заман-шахом и маратхами.

Чтобы отразить эту угрозу, он планировал купить порты Гоа и Диу у Португалии и, по совету Скотта, приказал увеличить армию, размещенную в Бомбее, «так как именно с помощью маратхов европейские соперники будут пытаться подорвать наше могущество в Индии»².

В марте 1801 г. между Англией и Францией был заключен Амьенский договор. По этому договору, за исключением Цейлона, все бывшие французские и голландские владения, находившиеся теперь в британских руках, должны были быть возвращены своим прежним владельцам. Приказы об этом были направлены в Индию в мае 1802 г. В октябре 1802 г. британский кабинет заявил решительный протест Бонапарту по поводу его политики в отношении Швейцарии.

Полагая, что результатом этого могла быть война, он направил приказы в Индию, предписывающие Уэллесли «не эвакуи-

¹ Ibidem.

² *Phillips C. H.* Op.cit., p.104.

ровать французские и голландские владения впредь до получения новых приказов». Швейцарцы, однако, уступили Бонапарту в ноябре 1802 г., и дальнейшее британское вмешательство оказалось бесполезным. В Индию были направлены новые приказы, на этот раз предписывающие Уэллесли «не отходить от Амьенского договора, ибо это может привести к войне»¹.

Уэллесли получил эти приказы 8 мая 1803 г., но до этого времени ещё не прибыли ни французские, ни голландские представители, чтобы потребовать возвращения своих владений. 6 июля 1803 г., за пять дней до того, как Декэн, назначенный губернатором Французской Индии, прибыл в Пондишери, Уэллесли узнал от Кастлери, что «весьма вероятно обдумывавшееся кабинетом возобновление войны с Францией». Уэллесли тотчас же приказал губернатору Мадраса не возвращать французские владения без особых на то распоряжений из Бенгалии. Мыс Доброй Надежды был возвращён голландцам, но после возобновления войны в 1803 г. был снова захвачен англичанами².

С 1803 по 1809 г. французские корсары, действуя со своих баз на островах Бурбон и Маврикий, потопили в Индийском океане большое число торговых судов ОИК общим водоизмещением 15000 тонн. Только за 1809–1810 гг. ОИК потеряла грузы стоимостью более 1 млн ф. ст. В конечном счёте, в декабре 1808 г. британский кабинет направил в Индию приказ об организации экспедиции против островов Бурбон и Маврикий и в 1810 г. они были захвачены³.

¹ Ibid., p. 133.

² Ibid., pp. 133–134.

³ Ibid., p. 155.

Установление Бонапартом континентальной блокады, значительно уменьшившее ввоз Компанией индийских товаров на континент, побудило американских частных торговцев попытаться монополизировать эту торговлю. Решение этой задачи им облегчило то, что они могли фрахтовать суда по низким ценам и не имели необходимости платить за конвой¹.

Беспокойство руководства ОИК росло по мере того, как оно наблюдало быстрый рост американской торговли между Индией и Европой и угрожающее уменьшение доходов Компании².

В 1807 г. Россия воевала с Францией и с Персией. Чтобы создать угрозу России, Наполеон подписал с шахом договор, гарантировавший целостность Персии, и послал французского генерала в Тегеран, поручив ему собрать как можно больше информации о возможных путях через Персию в Индию. Известия об этом побудили британского министра иностранных дел Тирни спросить совет у Уэллесли, и тот посоветовал ему послать Малькольма и Гарфорда Джоунса в Тегеран, чтобы заключить договор с шахом против французов. Тирни решил последовать этому совету, но после смены министра этот план осуществил его преемник Р. Дандэс (сын Г. Дандэса), отправивший Г. Джоунса в Тегеран, чтобы заключить столь желанный договор.

Известия о Тильзитском мире Франции и России (7 июля 1807 г.) между тем достигли Лондона, и правительство предупредило генерал-губернатора Минто о вероятности французской атаки на Британскую Индию через Персию³. Минто пред-

¹ *Furber H. American Trade // New England Quarterly (London), June 1938, pp. 255–256.*

² *Ibid.*, p. 249.

³ *Phillips C. H. Op. cit.*, p. 176.

писывалось «завоевать поддержку индийских государств к западу от Джумна, не вступая в союзы, которые в будущем могут привести к конфликтам, и не вмешиваясь во внутренние дела туземных государств. Если Синдхия или Холкар создадут какой-либо союз или задумают войну против нас, уничтожьте их армии»¹. Минто также получил приказ помешать врагу пересечь реку Индус и организовать патрулирование на этой реке с помощью канонерских лодок и аванпоста в Атокк. Еще до получения этих, в основном, абсурдных приказов Минто уже отправил Малькольма в Тегеран, чтобы убедить шаха отказаться от союза с Францией. Эта миссия закончилась провалом, и Малькольм в качестве последнего средства пытался, хотя и тщетно, запугать шаха, угрожая захватить персидский остров Харак. Несколько позже в Тегеран прибыл Гарфорд Джоунс. Он сумел убедить шаха, что интерес Бонапарта к Персии был обусловлен исключительно французскими политическими интересами.

В результате Гарфорд Джоунс подписал предварительный договор с шахом, по которому французское посольство в Тегеране было ликвидировано. Минто решительно возражал против назначения правительством в Лондоне Г. Джоунса послом в Персии, и, когда Малькольм и Джоунс поссорились в Тегеране, Минто, не колеблясь, отозвал Джоунса. Однако лондонское правительство, уже обеспокоенное угрозами Малькольма захватить Харак в то время, когда оно стремилось заключить договор с шахом, теперь подвергло резкой критике Минто за его «политику крайней враждебности к Персии» и заявило, что он создал «необоснованно опасную ситуацию» для миссии

¹ Ibidem.

Джоунса и представил британскую политику как «двуличную». Правительство дало высокую оценку действиям Джоунса в Персии и приказало ему оставаться там до того, как он был заменен Г. Оусели¹.

Между тем восстание в Испании против Наполеона положило конец британским страхам относительно французского похода в Индию.

Советы Р. Дандэса по внешней политике продолжали раздражать Минто. 7 июля 1810 г., несмотря на предыдущие воинственные приказы, Дандэс инструктировал Минто сократить военные расходы «даже в ущерб безопасности»². Тем не менее, Минто вынужден был выполнять приказы из Лондона. Так, в 1810–1811 гг. по требованию правительства он захватил острова Бурбон, Маврикий и Яву. Однако эти его успехи не добавили ему кредита в Лондоне, и парламент крайне неохотно проголосовал за выражение ему благодарности³.

Дандэс отрицательно оценивал итоги правления Минто в Индии. Он резко критиковал почти все его действия и сообщил лорду Ливерпулю: «Минто пишет гораздо больше, чем это нужно, но он не предпринимает эффективных мер». Минто не поддерживала ни одна политическая партия в Англии. И правительство, и оппозиция критиковали его внешнюю политику. В апреле 1810 г. в Лондоне распространились слухи об отставке Минто. Через 3 месяца кабинет действительно утвердил замену его лордом Веллингтоном.

Затянувшаяся война с Наполеоном и континентальная блокада вызвали заметный упадок британской торговли, осо-

¹ *Minto, Lord. In India.* Ed. Countess of Minto. – London, 1880. – P. 324.

² *Ibidem.*

³ *Ibidem.*

бенно к 1810 г., и последующие поиски новых рынков усилили давние требования английской торговой буржуазии относительно того, что торговля ОИК должна быть открыта для всех частных торговцев.

Вокруг этого вопроса разгорелась острая борьба и в парламенте, и в Совете директоров ОИК между представителями коммерческих кругов Лондона, с одной стороны, и других английских городов – с другой. Лондонцы в марте 1812 г. высказались за открытие торговли ОИК с Индией для частных торговцев, но с условием, что она должна идти в Англию только через Лондон¹.

Коммерсанты Ливерпуля, чья торговля особенно пострадала от ссоры Англии с США, были одними из первых, кто узнал, что импортная торговля из Индии должна быть ограничена Лондоном, и они тотчас же создали комиссию, которая должна была представлять их точку зрения в Лондоне.

Они обратились к провинциальным городам и портам с призывом направить своих делегатов в Лондон. Эти делегаты призвали все торговые и промышленные города посылать петиции в Парламент. До конца 1812 г. было отправлено более 130 петиций.

9 мая 1812 г. депутация провинциальных городов встретилась с премьер-министром Персевалем, который решительно пообещал, что и экспортная, и импортная торговля будут открыты для всех крупных британских портов.

В 1813 г. была принята обновленная Хартия ОИК. Она открыла торговлю ОИК для всех частных торговцев. Это имело трагические последствия для Индии. До 1813 г. ОИК поощряла

¹ Parliamentary History. Vol. XXI. – P. 672–678.

и в какой-то мере защищала индийских производителей хлопка. Теперь, когда в торговлю включились многие английские частные торговцы, они стали добиваться повышения таможенных пошлин на ввозимые в Англию индийские хлопчатобумажные и шелковые изделия. Кроме того, использование в Англии машин и новейших технических изобретений в хлопчатобумажной промышленности сделало индийский хлопок неконкурентоспособным, резко уменьшило продажу в Англии индийских товаров. Частные торговцы теперь стали ввозить хлопчатобумажные изделия из Англии в Индию. Таким образом, индийский производитель был неожиданно поставлен в необычайно трудное положение¹.

Кастлери и Каннинг от имени британского правительства начали серию переговоров с правительством Голландии, которые должны были урегулировать обострившиеся англо-голландские отношения на Востоке. Эти переговоры оказались результативными. В 1814 г. Англия без всяких условий вернула Яву, захваченную Минто в 1811 г., голландцам, которые после этого пытались восстановить свое превосходство, позволявшее им прежде монополизировать и власть, и торговлю в малайских княжествах. Они смогли восстановить контроль над путем между Индией и Китаем подвергнуть британскую торговлю серьезным трудностям².

В январе 1819 г. заместитель губернатора ОИК в Бенкулене (о-в Суматра) Стамфорд Рэффлес сумел добиться ценного подарка от султана Джохора – приобрел для Англии поселение Сингапур, который занимал важное стратегическое положение

¹ *Hamilton C. J. Trade Relations between England and India, 1600–1896. – Calcutta, 1919. – P. 255.*

² *Raffles S. Memoirs of Raffles. – London, s.d. – P. 304.*

на пути через архипелаг между Индийским океаном и Китайским морем.

По Парижским договорам 1814 и 1815 гг., которыми закончились наполеоновские войны, англичане сохранили в своем владении Капскую провинцию, Маврикий и Цейлон. Индонезийские острова были возвращены Нидерландам, а остров Бурбон (позже Реюньон) – Франции. Фактории в Индии – Пондишери, Чандернагар и другие были также возвращены Франции, но было запрещено их укреплять и держать там гарнизоны.

Таким образом, англичане овладели всеми стратегическими ключевыми пунктами Индийского океана, выбили французских соперников из Индии, и были на пути к тому, чтобы поставить под свой контроль весь Индостанский субконтинент с прилегающими к нему островами.

В середине XIX в. центром англо-французского соперничества стали Египет, Сирия и турецкие владения в Африке. Кульминационным пунктом этой борьбы стало восстание Мухаммеда Али¹ против турецкого султана. Известно, как различно отнеслись к этому восстанию Лондон и Париж. Столь же явным был антагонизм обеих держав в Ливане, где англичане помогали друзьям², а французы маронитам³. Но здесь успех сопутствовал Франции. Активная политика Николая I помирила на время соперников, но как только Парижский трактат 1856 г.⁴, отбросил Россию с авансцены мировой политики, прежняя англо-французская борьба разгорается с новой силой. Пред-

¹ https://ru.wikipedia.org/wiki/мухаммед_али_египетский

² <https://ru.wikipedia.org/wiki/Друзы>

³ https://ru.wikipedia.org/wiki/Маронитская_католическая_церковь

⁴ <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/FOREIGN/paris.htm>

метом их устремлений являются теперь не отдельные пункты, разбросанные по побережью Средиземного моря, а целые области, которые в дальнейшем могут послужить экономической и стратегической базой для продвижения вглубь материка. Объектом экспансии Англии становится Египет. Франция стремится укрепить свои позиции в северо-западной Африке, в Сирии и Ливане.

К факторам политическим и стратегическим, во второй половине XIX века, присоединяется фактор экономический. В 1856 г. английская Смирна-Айдинская железнодорожная компания получает первую концессию на побережье Малой Азии. За ней следует Франция, первая концессия которой относится к 1863 г. Появление иностранного капитала на территории Малой Азии привело к столкновению интересов Франции, Англии и России. Результат не замедлил сказаться. По Кипрской конвенции 1878 г., Англия обязалась охранять неприкосновенность турецкой границы на Кавказе, непрекращающееся давление России на Персию привело к обострению англо-русских противоречий. К 1880 г. относится и первое появление в Малой Азии германского капитала, сначала преследовавшего весьма скромную цель — сооружение небольшой железной дороги в районе Константинополя, но затем постепенно расширившего поле своей деятельности.

Экономическая экспансия европейских держав в Азии и Африке приобретает грандиозные масштабы. Прокладываются великие железнодорожные пути: в южной Африке — трансфриканская железная дорога, в северной Азии — транссибирская дорога, в передней Азии в направлении к Персидскому заливу проектируется знаменитая Багдадская дорога.

Часть этих железнодорожных путей (сибирский и трансафриканский) создаётся на территории, подчинённой прокладывающему их государству. Тем не менее, и сибирский, и трансафриканский пути создали почву для двух войн — русско-японской 1904—1905 гг. и англо-бурской 1899—1902 гг. Еще сложнее было положение в Азиатской Турции, где сталкивались интересы большинства великих европейских держав¹. Здесь всякое решение спора военным путем должно было повлечь за собой мировую катастрофу. Войну предвидели и к ней готовились, но так как все ее пока откладывали, то средством разрешения спорных вопросов оставался путь дипломатический. Положение в Азиатской Турции к началу XX в. определялось двумя факторами: враждебностью Англии и России и активностью Германии.

Стратегические интересы Англии в Азиатской Турции определялись, прежде всего, месопотамской дорогой в Индию. Англичанам почти монопольно принадлежало право судоходства по рекам Тигр и Евфрат. После захвата ими Адена южная часть Малоазиатского полуострова являлась для них стратегической базой не только на случай борьбы с Россией, но и для защиты Суэца и Египта. Когда в конце XIX в., Франция обнаружила повышенный интерес к Маскату, Россия попыталась захватить угольную станцию на берегу Персидского залива, а Германия сооружением Багдадской железной дороги приобрела широкие интересы в Азиатской Турции. Англии пришлось считаться с новой неблагоприятной обстановкой. С Францией она добивается сближения, предлагая признать ее особые права

¹ Раздел Азиатской Турции. По секретным документам бывшего МИДа. — М., 1924. — С. 30—31.

в Марокко в обмен на отказ Франции от своего преимущественного положения в Маскате.

В то же время, в Лондоне растет страх в связи с активизацией внешней политики России. В ноябре 1899 г. русская канонерка появилась в Персидском заливе. В ответ англичане послали туда свой крейсер. Тогда к первой канонерке присоединяется вторая. Одновременно в английской прессе оживленно обсуждается вопрос о русской железнодорожной концессии в Персии, срок которой истекал в ноябре 1900 г. и которую Россия, по английским сведениям, собиралась продлить на 10 лет¹.

Большое беспокойство в Лондоне вызвала также активность Германии в Малой Азии. Дело в том, что, рассчитывая в скором времени приобрести железнодорожную концессию Багдад–Кения, Германия всеми способами склоняла на свою сторону Турцию. В октябре-ноябре 1898 г. император Вильгельм II посетил Константинополь, Сирию и Палестину. В Лондоне эту поездку напрямую связывали с представлением турецким правительством концессии германскому обществу азиатской железной дороги на оборудование порта в Хайдар-Паше. В сентябре 1899 г. Германия, пользуясь безденежьем турецкого правительства, обратилась к нему с предложением о помощи в случае признания её особых железнодорожных прав в районе Багдада.

26 ноября 1898 г. турецкий совет министров высказался в пользу предоставления Германии интересующей ее концессии от Кении до Багдада. 22 декабря было подписано предвари-

¹ Раздел Азиатской Турции. По секретным документам бывшего МИДа. – М, 1924. – С. 32.

² [https://ru.wikipedia.org/wiki/Вильгельм_II_\(германский_император\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Вильгельм_II_(германский_император))

тельное соглашение между турецким правительством и представителем Дойче банка Сименсом: им предусматривалась постройка дороги Кения-Багдад-Басра в 8-летний срок, причём германское анатолийское общество обязывалось не уступать другой железнодорожной компании линий Хайдар-Паша-Ангора-Кения и Кения-Басра¹.

Таким образом, не только в Европе, но и в Азии и Африке постепенно складывались предпосылки первой мировой войны.

¹ Раздел Азиатской Турции. По секретным документам бывшего МИДа. — М, 1924. — С. 32; *Бондаревский Г. Л.* Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903). — Ташкент, 1955.

Глава VII

ПАКС БРИТАНИКА НАД ИНДИЙСКИМ ОКЕАНОМ

Есть основания утверждать, что распространение британской власти на огромную многонаселенную Индию, как и на большинство стран вокруг Индийского океана, не было результатом заранее продуманного плана. Ост-Индская компания (ОИК), которая была инструментом правящего класса Англии, действовала, сражалась и управляла, стремясь контролировать рынки, торговать и получать прибыль. Ни ее основатели, ни последующие руководители не думали о создании гигантской по территории империи под руководством этой компании со всеми заботами и рисками, связанными с таким предприятием. Англичанам пришлось сражаться с португальцами, голландцами и французами, поскольку они были соперниками по торговле в Индийском океане, торговле, которая была основана на расхищении богатств стран региона, эксплуатации и унижении их населения.

Как утверждали португальцы, для того, чтобы торговать, надо было контролировать, а для того, чтобы контролировать, надо было иметь превосходство на суше.

Постоянные конфликты с соперниками – французами, использовавшими в своих интересах союзников в Индийском океане, заставили англичан прибегнуть именно к таким методам. А когда союзники французов были разбиты или оказались ненадежными, ОИК с одобрения британского правительства

начала аннексию Индии. Территориальные завоевания делались вследствие безудержного стремления к обогащению, к безопасности или просто потому, что англичане столкнулись со слабыми противниками, которые были не в состоянии противостоят аннексии.

Представляется обоснованным высказанное в 1974 г. предположение экспертов ООН о том, что установление господства внешних сил над Индийским океаном было, прежде всего, результатом соперничества великих держав, конфликтов между местными государствами и европейского вмешательства в дела последних¹.

Завоевание независимых стран Индии продолжалось и после 1815 г. Государства маратхов прекратили сопротивление в 1819 г. Пенджаб был аннексирован между 1840 и 1850 гг. За ним последовала Северо-Западная пограничная провинция. Белуджистан был поставлен под британский контроль в 1875 г.

В 1815 г. Англия оккупировала королевство Канди в сердце Цейлона, которое ни португальцы, ни голландцы никогда не контролировали. Одновременно продолжалась британская оккупация районов к востоку от Индии. В 1824 г. Сингапур был основан сэром Стамфордом Рэффлесом у восточного входа в Малаккский пролив на острове, уступленном англичанам султаном Джохора. Малакку англичане выменяли у голландцев за некоторые британские поселения на Суматре.

Сингапур вскоре отделился от Малакки, как самый большой торговый порт и гавань Малаккского пролива и прилежащих к нему районов. К концу XIX в. султаны Малайского полуост-

¹ Report dated May 3, 1974, of the experts to the Ad Hoc Committee on the Indian Ocean, pursuant to the UN general Assembly Resolution 3080 (XXVIII) of Dec. 6, 1973.

рова приняли британский протекторат. В 1909 г. Сиам уступил Англии четыре других малайских государства, которые до этого были его вассалами.

Англичане провели три войны против Бирмы в 1824–1885 гг., результатом которых явилась аннексия этой страны, которая затем была поставлена под управление правительства Индии.

В 1857 г. в Индии вспыхнуло восстание против британского колониального господства («восстание сипаев»), которое было быстро подавлено. Оно привело к окончательной ликвидации призрачной власти Великого Могола. В том же году был положен конец и правлению Ост-Индской компании (ОИК), и Индия была поставлена под прямой контроль правительства в Лондоне.

В 1870 г. премьер-министр Англии Б. Дизраэли решил купить у египетского хедива и французской компании акции Суэцкого канала за 4 млн фунтов стерлингов без одобрения парламента, который был на каникулах.

«А где вы возьмёте 4 миллиона?» – спросила королева Виктория.

«Это моя проблема», – ответил Дизраэли.

Он приехал в клуб, где обедал банкир Ротшильд. Подсев за его столик, Дизраэли попросил у него денег. «Под какие гарантии?», – спросил Ротшильд. «Британское государство» – ответил Дизраэли. Ротшильд дал 4 млн фунтов стерлингов.

«Дело сделано, Суэцкий канал Ваш, Ваше Величество» – пишет он Виктории¹.

В 1877 г. королева Виктория приобрела титул «Императрица Индии». Лондон также распространил свое правление и на западную половину Индии.

¹ *Моруа Андре.* Жизнь Дизраэли. – М., 1991. – С. 100–114.

В 1839 г. он овладел Аденом и прилегающим к нему островом Сокотра у входа в Баб-эль-Мандебский пролив.

Аден и Красное море приобрели огромное стратегическое значение тотчас же после открытия Суэцкого канала в 1869 г. В 1882 г. Англия оккупировала Египет с его зоной Суэцкого канала, заполучив, таким образом, в свои руки контроль над важнейшим путем из Европы в Индию.

Однако англичане придавали большое значение и пути вокруг Африки. В 1843 г. они аннексировали Наталь, чтобы помешать бурским республикам, расположенным к северу от Капской провинции, получить выход к океану.

Англо-бурская война (1899–1902) привела к аннексии Оранжевого свободного государства и Трансвааля и к объединению всей Южной Африки под британским правлением.

На северо-восточном побережье Африки Занзибар стал британским протекторатом в 1890 г., а территория, управлявшаяся Компанией Британской Восточной Африки (Кения), была в 1895 г. поставлена под контроль британского правительства.

В юго-восточном регионе Индийского океана Австралия, включая ее западное побережье, стала в начале XIX в. неоспариваемой британской территорией. Формальная оккупация западной Австралии имела место в 1820-е гг., что помешало французам создать там свои опорные базы.

Таким образом, Великобритания установила свое колониальное господство над большинством стран, окружающих Индийский океан.

Франция с согласия Великобритании превратила большой остров Мадагаскар в свой протекторат в 1885 г., а через 10 лет – в колонию. Коморские острова также попали под французский контроль.

В 1888 г. Франция оккупировала город Джибути — ключевой пункт у южного входа в Красное море. В схватке за африканские колонии Германия сумела получить значительную часть восточного побережья (Танганьiku). Португальцы продолжали удерживать Мозамбик¹.

На Арабском берегу Красного моря Хиджаз оставался под Османским контролем до 1916 г., а Йемен был вассальным государством османского султана. К югу от Египта англо-египетский Судан был поставлен под британский контроль в 1898 г. В 1889 г., через год после того, как Франция овладела Джибути, Англия присоединила Аден к своему протекторату Сомалиленд, а Италия, которая последняя включилась в гонку за раздел Африки, оккупировала Эритрею. На другой стороне Рога Африки итальянцы обосновались в так называемом Итальянском Сомали. Таким образом, древняя империя Эфиопия оказалась зажатой между двумя итальянскими колониями на севере и юге. Но итальянская попытка завоевать эту древнюю страну провалилась после фатальной для Италии битвы при Адуа в 1896 г.

На восточных берегах Индийского океана Сиам (Таиланд) был единственной страной в регионе, сумевшей сохранить свою независимость.

Вплоть до Второй мировой войны Нидерланды владели обширной колониальной империей, простиравшейся от Суматры до Молукк.

Великобритания не нуждалась больше в крупных военно-морских силах в Индийском океане. Она контролировала

¹ *Pakenham Thomas. The Scramble for Africa. 1876–1912. — London, 1992. — Pp. 200, 207, 283–285, 289.*

большую часть прибрежных стран и владела практически всеми стратегически важными опорными базами. Потенциальными соперниками для нее в западных районах Индийского океана могли быть только французы, удерживавшие такие стратегически важные позиции, как Джибути и Диего-Суарез (военно-морская база на северной оконечности Мадагаскара). Но Франция не была больше соперником Великобритании на море.

После 1871 г., потерпев поражение от Германии, она искала компенсации в территориальных приобретениях в Африке и Индокитае. Хотя имел место кризис в англо-французских отношениях, французы не решались бросить открытый вызов британскому колониальному господству в зоне Индийского океана. А после англо-французского соглашения 1904 г. («Антанта») Франция стала скорее союзником, чем соперником Великобритании.

Нидерланды и Португалия полагались на британскую защиту и покровительство для своих колоний.

С конца наполеоновских войн не было потенциального противника, который бы осмелился оспорить военно-морское господство Великобритании. Растущий флот кайзера был еще не способен тягаться с ней в силе на огромных пространствах Индийского океана. Корабли теперь работали на угле. Угольные станции были необходимы для любого военно-морского присутствия или операции. Но только англичане имели такие угольные станции почти в каждом уголке океана.

В середине XIX в. лишь легкие суда британского флота могли проводить гуманитарные акции: они выполняли задачу по искоренению работорговли в африканских водах. В рабо-

торговле тогда участвовали не только арабские, но и французские, португальские и другие суда.

Долгое время угрозой судоходству в водах Малайи и Персидского залива было пиратство. Пиратский берег, позже известный как Договорный Оман, был замирен Англией в 1820-е гг. Шейхи и эмиры поклялись соблюдать договор, то есть быть под протекторатом Лондона.

Британское колониальное господство над Индией было уникальным. Ни одна европейская страна, а фактически ни одна страна никогда в истории не господствовала над столь огромной заморской империей, которая территориально не смыкалась с метрополией. Огромные пространства Сибири и Центральной Азии, находившиеся под российским господством, были территориальным продолжением европейской части России.

В отличие от них Индия и прилегающие к ней страны были владениями далекой от них метрополии. Главной заботой Великобритании была не столько угроза морским воротам, ведущим к Индии, сколько угроза с суши со стороны Российской империи. Было предпринято несколько попыток превратить Афганистан в британский протекторат. Было даже предпринято вторжение в Тибет. В 1907 г. южная часть Персии была объявлена зоной британского влияния с согласия Санкт-Петербурга.

Глава VIII

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БРИТАНСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА В XIX ВЕКЕ

В первые три четверти XIX века Англия напоминала гиганта, расставившего ноги над всем миром. Англичане, безусловно, доказали, что они были пассионарной нацией, создавшей несколько великих субцивилизаций (Англия, США, Канада, Австралия) и добившейся в XIX веке первенства во всех сферах человеческой деятельности. Увидев в январе 1836 года процветающий порт Сидней, Чарльз Дарвин написал: «Моим первым импульсом было поздравить себя с тем, что я родился англичанином»¹. По его словам, городские здания и оживленная суета на улицах были свидетельством «мощи британской нации» и резко контрастировали с усталостью испанцев и португальцев, чьи бывшие колонии он только что посетил и где, по его мнению, было достигнуто мало прогресса за последние триста лет.

Промышленная революция в Англии совпала по времени с демографическим взрывом. В 1801 году ее население составляло только 10 млн человек, а к 1871 г. выросло до 22 млн, и это несмотря на эмиграцию и голод в Ирландии 1845–1847 гг.² Промышленная революция оказалась спасением для Британии, поскольку она абсорбировала «лишнее» население.

¹ *Desmond A. and Moore J. Darwin, S. L., 1992, pp. 176 – 177.*

² *Lawrence James. The Rise and Fall of the British Empire. – London, 1998. – P. 170.*

Этот процесс решил одну, но создал другую проблему. В течение 30 лет после Ватерлоо новая рабочая сила оказалась в нищенских условиях существования. Единственная ее надежда на выживание заключалась в непрерывном расширении рынка для сбыта промышленных товаров. Это могло быть достигнуто только при условии, что товары будут оставаться дешевыми. Это в свою очередь заставляло держать зарплату на низком уровне. Здесь промышленникам помог закон о бедных 1834 года, который создавал для безработных столь невыносимые условия, что они вынуждены были либо искать работу, либо эмигрировать. Иногда при всем желании найти работу было невозможно. Рецессии, имевшие место между 1815 и серединой 1840-х гг., сопровождались массовыми увольнениями, общественными беспорядками и частыми всплесками насильственного политического радикализма. Дела шли все хуже и хуже до такой степени, что к 1840 г. Британия уже не могла больше производить достаточного количества продовольствия, чтобы прокормить собственное население.

Выход из этих трудностей видели в реализации принципа свободной торговли. Сторонники этого принципа утверждали, что отмена всех пошлин снизит стоимость импортируемого сырья и сделает экспорт более прибыльным и поэтому более конкурентоспособным. В то же время цены на продовольствие резко снизятся благодаря открытию британского рынка для американского и европейского зерна.

В 1820-х гг. были сделаны шаги в направлении свободной торговли. Правительство тори отменило Навигационный Акт и снизило тарифы. В начале 1840-х гг. усилились требования свободной торговли, особенно со стороны промышленников

Северной и Центральной Англии, которые были крайне заинтересованы в стимулировании бизнеса и уменьшении безработицы с помощью увеличения экспорта¹. Правительство Роберта Пиля с энтузиазмом откликнулось на эти требования, но камнем преткновения стали законы о зерне, которые защищали отечественное зерно от иностранной конкуренции. Отечественные производители зерна всячески сопротивлялись свободной торговле, понимая, что она ударит по источнику их богатства, но их сопротивление было в конце концов преодолено вследствие того факта, что отечественное сельское хозяйство не могло больше удовлетворить потребности страны. Это обстоятельство было наглядно продемонстрировано голодом в Ирландии, и в 1846 г. законы о зерне были отменены.

Поворот Британии к свободной торговле в 1840-х гг. совпал с ее решительными усилиями открыть новые рынки. Объем британской заморской торговли стал постепенно расти, начиная с 1815 г., самыми большими рынками были Европа и США, которые вместе дали 2/3 из 50 млн ф. ст., заработанных английскими экспортёрами в 1827 г. Эта пропорция сохранялась в течение следующих 40 лет. В 1867 г., когда британский экспорт составил 181 млн ф. ст., стоимость товаров, проданных вне империи, составила 131 млн ф. ст., Британская торговая экспансия распространилась на весь мир².

Что касается британской колониальной империи, она стала большим рынком для британских товаров. В 1867 г.

¹ *Cain P. J. and Hopkins A. G. The Political Economy of British Expansion Overseas. 1750–1914 – «Economic History Review», № 33, 1980, p. 476.*

² *Lawrence J. Op. cit., p.171.*

Индия импортировала английские товары на 21 млн ф. ст., что сравняло индийский рынок с рынком самого большого иностранного потребителя британской продукции – США. Экспорт Англии в другие страны тоже был впечатляющим. Так, экспорт в Австралию составил 8 млн, Канаду – 5,8 млн, Гонконг – 2,5 млн, Сингапур – 2 млн, в Новую Зеландию – 1,6 млн ф. ст. Конечно, учитывая, что Британия в то время владела почти половиной мировых промышленных мощностей, ее колонии не имели иного выбора, кроме импорта британских товаров¹.

Промышленная революция сделала возможной финансовую революцию, которая привела к тому, что к 1870 г. Британия стала крупнейшим в мире экспортером капитала. Ростовщичество дополняло промышленное производство. Вкладывая большие суммы денег в неразвитые и развивающиеся экономики, британские инвесторы стимулировали новые потребности. Финансируемые англичанами предприятия, такие как скотоводческие ранчо в Уругвае, железные дороги в Америке, хлопковые плантации в Индии, вовлекали новые страны в глобальную сеть торговли. В то же время, хотя это вначале было незаметно, британские инвестиции создавали промышленности, которые со временем смогли конкурировать с их собственной промышленностью.

Экспорт товаров и денег привел к созданию того, что стали называть «неофициальной» или «неформальной» империей. В погоне за новыми рынками было неизбежно, что британские негоцианты столкнутся с местными торговцами и предпринимателями.

¹ Ibid., p. 172.

Свободная торговля требовала непрерывного прохождения товаров и услуг через местные юридические системы, которые оказывали помощь бизнесменам, понесшим какие-либо убытки.

Такие системы отсутствовали в государствах морского побережья, в Османской империи, в прибрежных государствах Африки, в Латинской Америке и в Китае. Британское правительство считало, что на нем лежит обязанность учить правителей таких государств, а когда они отказывались выучить урок, английские колонизаторы принуждали их к этому силой, используя для этого свой могущественный военно-морской флот. Так, например, в 1821 г. во время войны между Испанией и ее бывшими колониями, испанские каперы захватили в Карибском море английское судно «Лорд Коллингвуд».

Поскольку мадридское правительство не предложило никакой компенсации, в 1823 году Лондон отправил эскадру в Пуэрто-Рико, чтобы встретиться с губернатором и потребовать возвращения захваченного судна. В случае, если бы губернатор оказался несговорчивым, эскадра имела инструкцию атаковать и захватить все корабли, несшие испанский флаг¹. Именно это и было сделано.

Обычно силовые методы были последним доводом британских колонизаторов. Министр иностранных дел лорд Пальмерстон в сентябре 1850 года дал такое объяснение этой британской политики: «Все эти полуцивилизованные правительства, такие как правительства Китая, Португалии, Испанской Америки, нуждаются раз в 8–10 лет в порке, чтобы призвать их к порядку. Их мозги слишком примитивны, чтобы помнить

¹ Historical Manuscripts Commission, Bathurst, pp. 535–536.

урок дольше, а предупреждать их бесполезно. Они не придают значения словам и должны не только видеть палку, но и реально почувствовать ее на своем теле, чтобы воспринять аргумент, который их убедит»¹.

Это было типичное для английских колонизаторов расистское понимание принципов британской политики.

Излюбленным методом британских колонизаторов было подкреплять доводы дипломатов угрозой силы. В инциденте 1845 г. английский генеральный консул в Бейруте полковник Хью Роуз сумел добиться увольнения турецкого губернатора, которого он назвал «негодяем» и «королем коррупции». Дело в том, что три ливанца вели себя в консульстве неподобающим образом, и Хью Роуз потребовал, чтобы один был наказан «бастинадо» (битье по подошвам ног), а двое других должны подметать улицу у консульства. Однако губернатор потворствовал бегству всех троих. Взбешенный Хью Роуз написал об этом в британское посольство в Константинополе. О том, как серьезно британское правительство отнеслось к сообщению Хью Роуза, свидетельствует тот факт, что вскоре в Бейрут прибыло английское военное судно «Ворспайт»². На самом деле в этом не было никакой необходимости, так как к этому времени правительство Османской империи отчаянно нуждалось в поддержке Англии – своей потенциальной союзницы против России.

Другим эффективным методом принуждения было напоминание местным правителям, что они будут нести персональную ответственность за любой вред, причиненный британским

¹ *Barnett C.* The Collapse of British Power. – Gloucester, 1984. – P. 261–262.

² *Lawrence J.* Op. cit., p. 176.

подданным и за преступления, совершенные в зоне их юрисдикции.

Когда два доу были захвачены пиратами в Персидском заливе в 1855 г., английский морской офицер приказал местному шейху найти виновных. При этом он предупредил шейха, что если он этого не сделает, он либо заплатит кровью, либо его селение подвергнется бомбардировке¹.

Как и рекомендовал Пальмерстон, английские колонизаторы стремились оказывать постоянный нажим на местных правителей.

Заметив возрождение пиратства у побережья Малайи в 1852 г., капитан военного судна сожалел «о врожденной склонности малайца возвращаться к своей незаконной торговле», когда его не сдерживает личный страх перед немедленным наказанием².

К 1870 г. аппарат «неформальной британской империи» существовал во всех частях мира. Азиатские и африканские правители были связаны договорами, в которых они поклялись не обижать миссионеров и торговцев, и препятствовать работоторговле и пиратству. Можно было говорить о практическом британском протекторате над Османской империей³, англичане стремились также искоренить пиратство и работоторговлю.

«Неформальная империя» полностью зависела от британского превосходства на морях. В 1815 г. Королевский флот насчитывал 214 больших военных кораблей и около 800 мелких судов. После наполеоновских войн флот был уменьшен, но в 1817 г. министр иностранных дел Кастлри настаивал на том,

¹ Ibidem.

² Ibidem.

³ *Smith G.* The Empire: A series of letters published in the "Daily News", 1862, 1863. — London, 1863. — P. 9.

что «безопасность Британии требует сохранения нашего превосходства над флотами двух держав, которые могут быть брошены против нас»¹.

Этот принцип так или иначе соблюдался на протяжении всего XIX в., несмотря на регулярные призывы к экономии лоббистов, которые утверждали, что первой обязанностью правительства было снижение расходов и налогов. Паники перед угрозой вторжения в Англию, которые часто возникали в эпоху королевы Виктории, заглушали требования уменьшить морской бюджет, и обычно подстегивали чрезвычайные программы судостроения.

Страх перед вторжением был связан с подозрениями в отношении старого британского противника – Франции.

Но был и другой враг – Россия. От этого врага Англию не мог защитить ее могущественный военно-морской флот. В течение долгого периода англо-русские отношения были весьма натянутыми. Это была по существу «холодная война», продолжавшаяся с конца 1820-х гг. до начала следующего века. Эта «холодная война» стала горячей в 1854 г. и снова в 1877 и 1885 гг.

Русофобией были заражены практически мозги каждого британского чиновника, дипломата и политика XIX в. Она была широко распространена среди всех классов и слоев британского общества. Все признавали, что царская Россия – это антипод, антитеза Британии.

Англичане считали, что Россия, несмотря на свою политическую, социальную и экономическую отсталость, представляет опасность для Британии, поскольку она имела 800-тысячную армию. В основе этих опасений, которые иногда принимали

¹ *Barnett. Op. cit.*, p. 23.

форму русофобской истерии, лежал страх, что Россия предпримет сухопутное вторжение в Индию. Возможность такой атаки обсуждалась в политических, военных и военно-морских элитах с самого начала XIX в., когда на международной арене появился Наполеон.

Спекуляции и беспокойство достигли пика после русско-персидской войны 1826–1828 гг., и особенно после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В первой войне русская армия, имевшая базы на Кавказе, разгромила персидскую армию, а во второй русские подошли совсем близко к Константинополю (Стамбулу). Для всех стало очевидным, что Россия наглядно продемонстрировала слабость этих двух азиатских держав и показала, что она имеет волю и необходимые средства для того, чтобы бросить вызов Британии в чувствительном для нее районе.

В Лондоне полагали, что продвижение русских войск к востоку от Каспийского моря непосредственно угрожает Индии. Там считали, что план строительства Российской империи прост: после того, как будут покорены ханства Центральной Азии, Россия неизбежно обратит свой взор на Индию. Один индийский чиновник, писавший в 1838 г., предсказал, что народ Индии будет «затоплен морем русского деспотизма». Он многозначительно добавил, что в будущем борьба будет происходить между «благожелательным» и «угнетательским» империализмами. Если Россия победит, индийцы станут «рабами правительства, которое, хотя и называет себя цивилизованным, на самом деле варварское»¹.

¹ Anon, *India, Great Britain and Russia*, S. L., S. D., p. 48.

Англичане отдавали себе отчет в том, что Россия имела огромное преимущество в человеческих ресурсах и страшно боялись легендарной «выносливости и жестокости казаков». Они понимали, что против такого противника флот абсолютно бесполезен, хотя в 1832 г. один британский морской офицер заметил, что «если русские думают дойти до Калькутты, мы можем думать о посещении Санкт-Петербурга»¹.

Через два года Веллингтон, опасаясь русского вторжения в Индию, явился инициатором обучения и подготовки индийской армии. Однако некоторые английские политики задавали резонный вопрос: каким образом апатичная и умственно ограниченная русская военная бюрократия сможет справиться с проблемой организации линий снабжения через Гималаи к Каспийскому морю?²

Но некоторые русские генералы открыто выражали свое мнение о том, что такая кампания практически осуществима, и оживленно обсуждали план военной экспедиции в Индию.

Эти высказывания, а также активные действия русских войск в Персии и у границ Османской империи вызывали серьезное беспокойство в Лондоне и Калькутте. Там доминировало мнение, что Россию следует остановить, и аксиомой стало положение о том, что внешняя политика Британии должна быть направлена именно к этой цели. Аксиоматичными стали также утверждения, что царский флот нельзя пускать в Средиземное море, что Османская империя (включая все ее провинции) должна быть сохранена в неизменном виде, а прави-

¹ *Maw H. I. Memoir of the Early Operations of the Burmese War.* – London, 1832. – P. 106.

² Anon, *The Invasion of India* – “Blackwoods Magazine”, 22.09.1827.

телей Персии и Афганистана следует научить бояться Англии больше, чем России.

В 1830–1840-х гг. наблюдались все виды активности, которые характерны для «холодной войны»: дипломатические маневры, интриги, перевороты, и в 1838 г. английское вторжение в Афганистан.

Вторжение русских войск в турецкие владения на Балканах в 1853 г. привело к прямому военному столкновению между Англией и Францией, с одной стороны, и Россией, с другой.

Хотя русская армия увязла на Балканах, ее флот потопил турецкий флот около Константинополя (Стамбул). Англия ответила на это, послав свой средиземноморский флот в Босфор. Россия, не поддавшись запугиванию, пыталась избежать конфронтации и отвела свои корабли в бухту Севастополя, где они позже были затоплены. Под нажимом Адмиралтейства британский кабинет принял решение об отправке в Крым военно-морской экспедиции с приказом захватить Севастополь и уничтожить его доки и склады. За этим последовала Крымская война (1853–1856 гг.).

В ноябре 1856 г. английская армия высадилась в Персии для того, чтобы заставить шаха Насруддина отказаться от претензий на Герат. Эта крепость на афгано-персидской границе приобрела огромное символическое и стратегическое значение в период англо-русской «холодной войны». Русские требовали, чтобы шах удерживал ее вопреки нажиму Британии, но столкнувшись с англо-индийской армией, Насруддин уступил. Англичане ликовали, считая, что безопасность Индии теперь обеспечена, хотя Россия продолжала свое продвижение к востоку от Каспия к северным границам Афганистана. С 1864

по 1868 гг. русские войска оккупировали Хиву, Ташкент и Самарканд.

В то время как русские войска продвигались к подножию Гималаев, Европа драматически изменилась. Крымская война ликвидировала баланс сил в Европе, сложившийся в результате Венского конгресса 1814–1815 гг.

Расовые предрассудки, вера в генетическое превосходство британской расы были характерны и для англичан в XVII–XIX вв. Думается, что это связано в первую очередь с религиозно-конфессиональным фактором: как известно, кальвинизм из Женевы проник во Францию (гугеноты) и в Нидерланды, Шотландию и Англию (пуритане). Под знаменем кальвинизма проходила не только нидерландская, но и английская буржуазная революция XVII в. Еще в 1559 г. будущий епископ Лондонский Джин Эймер провозгласил, что Бог — англичанин. Основатель секты квакеров Джон Фокс писал в «Книге мучеников», что англичане — народ, особо выделенный Богом среди других народов.

Английские протестантские церкви ведут свое происхождение от кальвинизма.

Родившийся у англичан на идеологической почве кальвинизма комплекс «богоизбранности», генетического превосходства британской расы породил в свою очередь доктрину «бремени белого человека» и доктрину о цивилизаторской миссии англичан в мире. И та и другая имели явно расистский характер.

Как правильно отмечает С. В. Лурье, для англичан было характерно «избегание сближения с неевропейцами», «организация некоего представляющегося им идеальным общества при фактическом абстрагировании от туземного населения».

Один из идеологов британского колониализма Фредерик Лугард в статье «Задача белого человека в Тропической Африке» и в книге «Двойной мандат в Британской Тропической Африке» (1923 г.), ставшей своего рода евангелием британского империализма, развил концепцию «исторической миссии» белого человека по руководству представителями других рас.

Живое воплощение британского колониализма, Сесиль Родс считал, что порода людей, имеющая наилучшие шансы в эволюции — это англо-саксонская раса и поэтому для служения божественной цели следует стремиться к утверждению господства англо-саксонской расы.

Подобного рода расистские цели служили теоретическим фундаментом эксплуатации Великобританией народов ее колоний.

В этой связи исследователь истории британского колониализма А. В. Воеводский пишет: «Следует также сказать несколько слов об идеологическом обосновании права англичан на управление другими народами.

В его основе лежало представление об изначально низшем статусе неевропейских народов. Широко было распространено мнение, что Бог организовал мир так, что все мироздание собрано в «Великую цепь бытия».

Следовательно, все живые существа могли быть классифицированы и расположены в иерархическом порядке, начиная от «человека до мельчайшей рептилии, чье существование может быть обнаружено только при помощи микроскопа». Следовательно, и различные расы могли быть выстроены в сходном порядке, и высшую ступень, естественно, занимала белая.

Т. Бакстон, лидер аболиционистов в 1820–1830-х гг., отмечал в своем выступлении в палате общин в 1830 г., что вера в расовое равенство являлась позицией меньшинства. Позднее расистские взгляды получили свое дальнейшее развитие в социал-дарвинизме¹.

В изданной в 1868 г. книге «Более великая Британия» Ч. Дилк включил в понятие Британская империя все страны, в которых управление осуществлялось от лица англо-саксонской расы. Он выражал убеждение, что она оказывает морализующее влияние на все человечество, а британские политические институты и законы являются верной дорогой к миру и счастью для всего человечества².

Как пишет И. М. Шкляж в своей монографии «Томас Прингл – южноафриканский демократ», «быть может, самое печальное состояло в том, что многие колонисты, еще вчера бывшие “лишними” у себя на родине, поддавались уверениям колониальной администрации относительно своего мнимого превосходства над коренными жителями Южной Африки, не считали рабство или крепостную зависимость готтентотов противоестественным состоянием человека»³.

Как хорошо показано в книге И. М. Шкляжа, приехав в Южную Африку в 1820 г., тридцатилетний шотландский поэт Томас Прингл активно включился в общественную жизнь Капской колонии. Он начал издавать «Южноафриканский журнал»,

¹ *Воеводский А. В.* Колониальная политика Великобритании и трансформация традиционных обществ Южной Африки в конце XVIII – начале XX вв. Канд. диссертация. – МПГУ, 2003. – С. 82–83.

² Там же.

³ *Шкляж И. М.* Томас Прингл – южноафриканский демократ. – М., 1985. – С. 62.

в котором публиковал статьи, гневно бичующие расизм английских поселенцев и их бесчеловечное обращение с чернокожими жителями Капской колонии¹.

Борцом против расизма в Южной Африке был также знаменитый миссионер Йоханнес ван дер Кемп.

Выдающийся миссионер, член Лондонского миссионерского общества Джон Филипп (1775–1851 гг.) писал из Южной Африки своим друзьям в Англию: «Я мог бы рассказать вам удивительные истории – не о львах и тиграх, а о злодеяниях против морали, которые совершаются людьми, занимающими высокие посты...». Он называл сплошным обманом разговоры, будто с переходом Капской колонии в руки англичан условия жизни готтентотов заметно улучшились.

Как отмечает А. В. Воеводский, расизм был широко распространен среди английских колонистов. Изначальные послышки о низком развитии неевропейских народов и их культурной отсталости создали благоприятную почву для распространения расовой дискриминации.

Г. Р. Хаггард писал в своих биографических записках: «Белые поселенцы, особенно если это люди невысокого полета, позволяют себе презирать, ненавидеть и поносить аборигенов. Колонисты не способны понять, почему эти черные не согласны проводить целые недели и месяцы под землей, добывая руду, и в глубине души не прочь силой заставить их подчиняться»².

Джон Скотт, лейтенант-губернатор Наталя, подавляющую часть европейского населения которого составляли британ-

¹ Там же.

² Хаггард Г. Миссия в Трансвааль. – М., 1974. – С. 27–28.

ские переселенцы, писал в 1858 г.: «Белые, кажется, не могут жить поблизости к расам цветных без принятия в качестве непреложной истины, что как доминирующий народ они имеют право заставлять работать на себя менее цивилизованных».

Комментируя это свидетельство, А. В. Воеводский пишет: «Колонисты не принимали во внимание желания и привычки коренного населения, они полагали, что единственной его обязанностью было подчиняться требованиям белых».

Автор знаменитой книги «1984» Джордж Орвелл был хорошо знаком с обсуждаемой нами проблемой, так как родился в Индии в 1903 г. в семье английского колониального чиновника и много лет работал в колониальной администрации в Бирме. Там его романтическое увлечение идеей брeмени белого человека обернулось отвращением к расистской британской политике. По свидетельству Дж. Орвелла, «в любом индийском городе европейский клуб – это цитадель британской власти, наглухо закрытая для азиатов». По его словам, среди английских чиновников было много расистов. «Такого типа англичанам нельзя позволять даже приближаться к Востоку», – пишет Орвелл.

Среди идеологов британского колониализма особое место занимал Джон Силей. В своей книге «Расширение Англии» (1882 г.) он сформулировал концепцию, ставшую необычно популярной в высших кругах английского эстеблишмента в конце XIX века. Для Силея империя была главным источником британского могущества, а ее расширение и единство были жизненно необходимы для выживания нации в качестве великой державы. Силей считал, что в современном мире сила и жизнеспособность нации зависят от размеров страны. И Америка,

и Германия увеличили за последние 20 лет свои территории, и в соответствии с этим возросла и их сила.

Силей, обращаясь к широкой публике, упрекал ее в недостаточном внимании к колониальной политике. Он писал, что есть нечто крайне характерное в том равнодушии, с каким англичане относятся к могучему явлению различия их расы и расширения их государства. Они покорили и заселили полсвета, как бы сами не отдавая себе в этом отчета¹.

Мускулатура британской мощи находилась в колониях, особенно в белых доминионах, которые являлись продолжением Британии. Если, как надеялся Силей, они будут продолжать расширяться, Британия сможет удержать свои позиции в мире и отбросит на задворки своих соперников. Британскую империю Силей считал выражением особого гения англо-саксонской расы, в первую очередь британского гения.

В XIX в. в Англии вошел в моду социальный дарвинизм и его различные теоретические разновидности, в основе которых лежало примитивное перенесение дарвиновских принципов с мира растений и животных на мир людей, недвусмысленно намекали, что определенные расы лучше приспособлены к выживанию и процветанию, чем другие. Империалисты конца XIX в. обычно оставляли без внимания вопрос, кем же были в действительности англо-саксы, но были едины во мнении, что их потомки — британцы представляли собой высшую расу. Это заключение обычно оправдывалось аргументом, что англичане добились огромного материального, научного и интеллектуального прогресса и приспособляемости. При этом обычно указывали на тот факт, что англо-саксы распространились

¹ *Сили Дж.* Расширение Англии. — СПб., 1903. — С. 7.

по всему миру и господствовали там. Отсюда делался «естественный» вывод о том, что англо-саксы идеально квалифицированы для того, чтобы управлять.

Утверждения о расовом превосходстве англо-саксов в сочетании с аргументами в пользу единства империи породили идеологию нового империализма. Это совпало со временем, когда Англия использовала шанс возродить свою вялую экономику и усилить свое влияние в мире. В 1884 г. три миллиона австралийцев потребили английские товары на сумму 23 млн ф. ст. Австралия была не только ценным рынком, но и страной, связанной с Англией узами общего происхождения, языка и институтов¹.

Ярким подтверждением этого явился тот факт, что в следующем году Новый Южный Уэльс послал войска, которые должны были вместе и британскими и индийскими войсками подавлять махдистское восстание в Судане.

Английская элита очень заботилась о том, чтобы молодежь воспитывалась в сознании превосходства англо-саксонской расы и с пониманием ее «исторической миссии». Молодежь учили перенимать модель поведения англо-саксов и прививали ей определенные качества, которые всячески поощрялись и культивировались. Целое поколение университетских преподавателей, священнослужителей, поэтов, журналистов, писателей сконцентрировали свои интеллектуальные усилия и энергию на популяризации культа нового империализма. Сердцевину этого культа составляла концепция «англо-саксонской зрелости», представлявшая собой некую эклектическую смесь из патриотизма, физической выносливости, искусства игры

¹ *Lawrence J. Op. cit.*, p. 205.

в команде, умения честной игры, самодисциплины, самопожертвования, храбрости и готовности рисковать.

Почва для апостолов англо-саксонского идеала была хорошо подготовлена.

С 1840-х гг. государственные школы находились под влиянием революции, начатой Томасом Арнольдом, который трансформировал мировоззрение среднего и высшего классов.

Арнольд и его последователи стремились привить своим ученикам христианский альтруизм и направить их амбиции и агрессию на спортивную площадку. Учащийся государственной школы, воспитанный по кодексу Арнольда, также знал, как контролировать себя и контролировать других с помощью системы «старший ученик следит за младшими», будучи хорошо подготовлен к управлению и наказанию «птенцов» империи. Ум ценился меньше, чем закаленный характер, и интеллектуальная деятельность ограничивалась главным образом бесполезною зубрежкой языков двух прежних имперских держав — Греции и Рима. Конечным продуктом этих школ был джентльмен — христианин с неразвитым воображением, который играл по правилам и высшей целью которого было обслуживать других. Если он должен был зарабатывать себе на жизнь, он предпочитал стать армейским или морским офицером, высшим чиновником, священнослужителем, адвокатом или работать в индийской или какой-либо иной колониальной администрации.

К 1880 г. достигло зрелости поколение с такими взглядами, которые сделали этих молодых людей идеально пригодными для того, чтобы управлять империей и сражаться в ее войнах. Кроме того, учащийся государственной школы поздневикто-

рианского периода часто становился торговцем или промышленником, даже если это было занятием его отца.

Качества, воспитывавшиеся государственными школами, были как раз теми качествами, которые были присущи знаменосцам англо-саксонской цивилизации. К концу XIX века увлечение спортивными играми стало настоящей манией. «Если в британской расе есть, а я думаю, что есть, “склонность нести бремя белого человека”, – писал епископ Калькутты, – она должна быть приписана, помимо других причин, духу организованных игр»¹. Эти игры воспитывали в англичанах умение игры в команде, из которого выросла готовность к самопожертвованию.

Подтверждением этого являются героизм адмирала Нельсона, подвиги Лоуренса Аравийского, бегство Черчилля из бурского плена и т. д. и т. п.

Идеалы арнольдовской христианской зрелости легко сливались с идеалами нового империализма.

Умы школьников подвергались массированному воздействию специально издаваемых для них популярных журналов, в которых пропагандировались идеи нового империализма. Властителем умов был поэт Редьярд Киплинг, прославлявший строителей британской империи.

В 90-е гг. XIX в. он был кумиром и общенациональным символом. Г. Уэллс вспоминал: «Нелегко вернуться к чувствам того периода, когда Киплинг с мальчишеским энтузиазмом что-то выкрикивал, призывал действовать силой, упивался цветами, красками и ароматами империи... Он подчинил нас себе, вбил

¹ *Lawrence J.* Op. cit., p. 207.

в голову звенящие и неотступные строки, заставил многих, и меня в том числе, подражать себе»¹.

Киплинг видел в колониях залог развития всеобщего прогресса, так как родился и вырос в Индии, этой жемчужине британской короны. А. И. Куприн писал, что «по натуре Киплинг — завоеватель, хищник и рабовладелец, самый яркий представитель той Англии, которая железными руками опоясала весь земной шар и давит его во имя своей славы, богатства и могущества. Киплинг смело и ревниво верит в высшую культурную миссию своей Родины и закрывает глаза на ее несправедливости. В Киплинге англичанин заслоняет художника и человека»².

Ему принадлежит формула «о бремени белого человека»³.

Киплинг претендовал на создание собирательного образа Индии в своих произведениях. Но вряд ли писатель не знал о волнениях в индийских деревнях, о росте национального самосознания, о зарождении индийской буржуазии, о создании партий, об общем стремлении страны к независимости. Он знал это, но боялся всего, что могло бы хоть в какой-нибудь степени поколебать прочность «Британского мира», и этот страх сковывал его перо⁴. Критицизм был замечен в ранних его работах об Индии («Лиспет» 1888, «Без благословения церкви» 1891, «Джорджи — Порджи» 1891).

¹ Киплинг Р. Восток есть Восток. — М., 1991. — С. 4–5.

² Куприн А. И. Соч. в 3 т. — М., 1953. — Т. III. — С. 552–553.

³ Ерофеев Н. А. Очерки по истории Англии. 1815–1817. — М., 1959. — С. 158.

⁴ Новикова Л. Н. Колониальная политика Британской империи и художественная интеллигенция в конце XIX века // «Важнейшие проблемы новой и новейшей истории в современном освещении» / Сборник под ред. Е. А. Кургина. — М., 1995. — С. 55.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алаев Л. Б.* Средневековая Индия. – СПб., 2003.
2. *Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г.* История Индии. – М., 1979.
3. *Бандиленко Г. Г. и др.* История Индонезии. – Ч. I. – М., 1992.
4. *Парфенов И. Д.* Монополия и империя: английские привилегированные компании в колониальной экспансии в 80–90-х гг. XIX в. – Саратов, 1980.
5. *Хазанов А. М.* Восток глазами востоковеда. – М., 1995.
6. *Хазанов А. М.* Португалия и мусульманский мир. – М., 2003.
7. *Alexander H. R.* The Fleet that had to die. – L., 1958.
8. *Amin E.* The History of the East India Company. – Kuwait, 2003.
9. *Arquivo Nacional Torre do Tombo. Chancelaria de D. Manuel I.* – Lisboa.
10. *Arasaratnam S.* India and the Indian Ocean in the XVII century – India and the Indian Ocean 1500–1800. – Calcutta, 1987.
11. *An Anonymous History of Oman // Journal of the Asiatic Society of Bengal. Vol. XLIII.*
12. *Buckingham J. S.* Travels in Syria, Media and Persia, 1830.
13. *Belgrave Ch.* The Pirate Coast. – L., 1966.
14. *Castanheda F. L.* Historia dos descobrimento. – Lisboa, 1924.
15. *Chilcote R. H.* Portuguese Africa. – Prentice Hall, 1967.
16. *Cornwallis.* Correspondence. 3 Vols. – L., 1859.
17. *Cunha T. B.* Goa's Freedom Struggle. – Bombay, 1961.
18. *Danvers F. C.* The Portuguese in India. – Delhi, 1894.
19. *Dicionario de Historia dos Descobrimientos Portugueses.* – Lisboa, 1994.

20. Documentos Sobre os Portugueses en Mocambique e na Africa Central. 1497–1840. – Lisboa, 1962–1969.
21. *Deschamps H.* Les Pirates a Madagascar aux XVII et XVIII siècles. – Paris, 1949.
22. *Diogo de Couto.* Da Asia. – Theal M. Records. Vol. VI, Cape Town, 1964.
23. *Zinadim.* Historia dos Portugueses no Malabar. – Lisboa, 1898.
24. *Gois D. de.* Cronica de D. Manuel. – Coimbra, 1949.
25. *Gosse P.* The Pirates Who's Who. – L., 1924.
26. *Hamilton A. A.* New Account of the East Indies. – Edinburgh, 1727.
27. *Keay J.* A History of India. – L., 2001.
28. *Furber H.* Dundas. – Oxford, 1931.
29. *Lougnon.* L'île Bourbon sous la Regence. – Paris, 1956.
30. Parliamentary History. – L., 1788, 1793.
31. *Pakenham Th.* The Scramble for Africa. 1876–1912. – L., 1992.
32. *Parkinson C. N.* Trade in the Eastern Seas. 1793–1813. – L., 1966.
33. *Pearson M.* The Portuguese in India. – Cambridge, 1990.
34. *Philips C. H.* The East India Company. 1784–1834. – Manchester, 1940.
35. *Sergio Antonio.* Breve Interpretacao da Historia de Portugal. – Lisboa, 1998.
36. *Shastry B. S.* Studies in Indo-Portuguese History. – Prakashana, 1981.
37. *Skeet I.* Muscat and Oman. The End of an Era. – L., 1974.
38. *Slot B. J.* The Arabs of the Gulf. 1602–1784. – Leidschendam, 1993.
39. *Vali Ferenc.* A Politics of the Indian Ocean Region. – L., 1976.
40. *Toussant A.* History of the Indian Ocean. – L., 1966.

Научное издание

Хазанов Анатолий Михайлович

**ИСТОРИЯ
ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА
(XVI–XIX вв.)**

Корректурa авторская

Компьютерная верстка М. А. Исаева

Подписано в печать: 14.01.2015 г.
Бумага офсетная. Гарнитура «NewtonТТ».
Печать офсетная. Формат бумаги 60×84/16.
Усл. п. л. 9,75, уч.-изд. л. 9,75.
Тираж 990 экз. (1-й з-д 1–50). Заказ № 295.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ИИУ МГОУ.
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а.